

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
СРЕДИ ЭЛЬФОВ И ГНОМОВ**

ОЛЕГ БУБЕЛА

БЕГЛЕЦ

Олег Бубела

Беглец

Серия «Совсем не герой», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436705

Бубела О. Беглец: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-44991-0

Аннотация

Оказывается, попасть в мир, населенный эльфами и гномами, совсем нетрудно. Достаточно поехать в пансионат, а затем удачно заблудиться в лесу. И вот тебя уже взяли в плен эльфы и готовятся принести в жертву Ритуальному дереву...

Как известно, «любопытство стубило кошку», но программист Алексей – не кошка, и ему удается выходить сухим из воды, спасая принцессу гномов от преследования и разрушая все коварные планы претендента на королевский престол.

Мир прекрасен, особенно если ты владеешь магией, навыками боя на мечах, умеешь стрелять из лука и у тебя полным-полно золотых монет.

И есть еще невзрачное медное колечко, притаившееся в кармане до поры...

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	47
Глава 4	60
Глава 5	74
Глава 6	98
Глава 7	121
Глава 8	139
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Олег Бубела

Беглец

Вместо предисловия

Как люди обычно начинают писать мемуары? Вот так сидят себе спокойно дома в кресле, с бокалом чего-нибудь вкусного и не обязательно алкогольного в руках, и вдруг говорят себе: а попробую-ка я сочинить чего-нибудь поучительное, да чтобы и самому не стыдно было! Так, что ли? Может быть, но, думаю, то, что наваяют эти люди, читать будет интересно разве что им самим. Попадались мне и такие книги, которые можно было использовать только в определенном месте, где все обычно становятся задумчивыми-задумчивыми...

Нет, я уверен, что у каждого человека должно в определенный момент появиться такое желание – вспомнить всю свою жизнь. И не обязательно при этом что-нибудь писать, можно просто расслабиться и разложить по полочкам все события, которые с тобой приключились. Почему так происходит, я не знаю. Просто вдруг наступает у человека такой период, когда мысли начинают бегать взад-вперед, колыхая старые воспоминания, так что руки сами тянутся к перу. Или, может быть, посмотрит он на своих детей, да и вздох-

нет украдкой, вспоминая, каким был он сам еще несколько десятилетий назад.

Не избежал такого момента и я, но только решил все это не просто вспомнить, но и по своей старой привычке выплеснуть на бумагу, чтобы было нагляднее. Причина у меня была проста – захотелось вдруг понять, почему я стал тем, кем являюсь сейчас, каким образом мне удалось пройти свой путь и зачем я вообще на него встал. Да, сейчас я, вообще-то, начал жалеть о том, что решил детально описать всю свою жизнь, поскольку некоторые события, которые происходили со мной, некоторые мои поступки совсем не делают мне чести. И многое из того, что я решил не утаивать, показывает меня далеко не с лучшей стороны. Ну и пусть! Я не собирался, подобно многим, делать из себя некоего святошу, который всю жизнь жил праведно и по совести. Я просто вспоминал себя, свои мысли и дела, свои победы и поражения, свои чувства и ощущения, и, в конце концов, понял, кем я являюсь и почему.

Так что предупреждаю тех, кто вдруг возьмется за чтение моих записок: не ищите здесь себе образец для подражания, не извлекайте каких-нибудь мудрых мыслей, а просто постарайтесь почувствовать, что я пережил. Это не героический эпос, не философские размышления, а просто жизнеописание обычного человека, который волей слепого случая стал... Не буду забегать вперед. Если проявите терпение, сами все узнаете, а пока желаю приятного чтения!

Глава 1

Как все начиналось

Многие жизнеописания начинаются с детства их автора, но я пропущу этот период и начну с поворотного момента в моей жизни. А произошел он за неделю до того, как я попал в... Нет, я опять забегаю вперед! Начну сначала.

Где-то дней за пять до поездки, которая так круто изменила всю мою жизнь, мне родные буквально плешь на голове проедали, бегая за мной и повторяя: «Тебе нужно отдохнуть, проветриться...» Как будто нельзя было дома спокойно провести свободные две недельки отпуска! И ведь существовала масса причин остаться, масса весомых аргументов никуда не ездить. Ведь и программу мне нужно было интересную добыть, выловив буквально несколько багов, после чего солидная премия была бы обеспечена. И с девушкой побыть в свое удовольствие, а то работаем мы с ней как-то несинхронно – я прихожу, когда она уже спит, а она уходит, когда я только просыпаюсь. Вообще никакой личной жизни!

Но нет, поддался на уговоры предков. Они у меня жутко консервативные, предпочитают традиционному понятию отдыха какую-то бредятину наподобие турпоходов по пересеченной местности. И нет бы самим попробовать все прелести походной жизни, ведь их туристические впечатления огра-

ничиваются лишь забегами по грядкам на даче – так начали уговаривать меня выехать на природу, лишь узнав о моем отпуске. Почти неделю я мужественно сопротивлялся уговорам, но добила меня Натка, решительно встав на сторону моих родителей. Главным ее аргументом стал якобы нездоровый вид моего лица. И чего она там такого увидела, в лице? На огурец вроде не тянет – не зеленоватый и пупырышки не особо торчат. Но, твердо отвергая все мои разумные доводы, она заявила:

– Тебе нужно подышать свежим воздухом! А то скоро возле своего компьютера корни пустишь и мхом зарастешь!

Нет, это она зря, конечно, ляпнула. В последнюю неделю я просиживал у машины всего часа четыре, не больше. Остальное время пытался заниматься наведением порядка в квартире, в чем не сильно преуспел, и целенаправленно доказывал подруге, что и как ухажер я тоже ничего. Может, еще и это сыграло свою роль. Ну, переусердствовал я немного с вниманием, которое старался уделять Натке эти дни, а может быть, просто надоел, да так, что она захотела меня спровадить подальше. В общем, все это привело к тому, что совместными усилиями меня вытолкали из дома взашей. На природу, мать бы ее...

Причем мои заверения, что близлежащая лесопосадка – это тоже природа («Можно выйти всем, поваляться на травке, поесть, что с собой захватили, а к вечеру домой...»), не проканали. Конечно, я не согласился с первым предложен-

ным вариантом – отправиться в турпоход по Карпатским горам с обязательными уроками альпинизма и охрнительной возможностью навернуться с ближайшей очень живописной скалы, чтобы потом всю жизнь собирать на лекарства, и это только в том случае, если сильно повезет. Вариант спуска на байдарке по притокам Днепра я также отверг как крайне неудачный. Ну, что поделаешь, плавать нормально я не умею и не хочу учиться – в воде так мокро и холодно, бррр... Я лучше дома в ванне поплаваю, для нее моих умений вполне достаточно!

Короче, в процессе поиска вариантов и горячих споров я наткнулся на сайт «Курорты Щукино», и пока остальные рядом выясняли, кто круче – водолаз или альпинист, втихаря пролистал страничку, посмотрел на цены, прикинул дальнейшие перспективы (я с аквалангом – не дай бог в кошмарах увидеть!) и решил отделаться малой кровью. С радостной физиономией я повернулся к родным и стал описывать преимущество щукинской природы, краем глаза кося на сайт: мол, там и лес («Тьфу, комары, клещи – мерзость!»), и речка («Брр!...»), и свежий воздух, который мне так нужен! А еще я могу начать бегать по утрам («Вот уж не дай бог!»). В общем, родные, посмотрев в мои честные глаза, решили пойти мне навстречу и осчастливили решением:

– Завтра туда и отправишься!

И хотя я еще рассчитывал доделать программку денька за два, чтоб хоть как-нибудь скомпенсировать оздоровитель-

ные затраты, но нет, пришлось уступить грубой силе. Весь вечер меня усиленно собирали. Напихали кучу очень нужных вещей, незаменимых на курорте – и теплую одежду, ведь вдруг заморозки! («Ага, в начале июля-то!»), и сменную обувь для леса, для пляжа и для дома! («И домашние теплые тапочки!»), и... Короче, вышло две объемистые сумки, которые я ради эксперимента подергал за лямки. Сумки при этом не шелохнулись, им были абсолютно по фигу мои попытки. Тихо зверея, решил завтра с утра все перебрать, пока никто не видит, и избавиться процентов от девяноста «необходимых» вещей.

Ага, счаз! Всю ночь мне снились кошмары о том, как я в акваланге лезу по веревке на высокую скалу, сзади привешены две тяжеленные сумки, внизу пропасть и клубится туман, а скала-то, сука, не кончается... Проснулся весь в поту, на часах восемь – домашние ждут, когда я соизволю позавтракать на дорожку. Матерясь про себя, я пошел умыться. Позавтракав, от проводов решительно отказался. Взвалив на плечи по сумке и в ответ на мамин вопрос прошипев: «Нет, что ты! Совсем не тяжело!», я втиснулся в лифт, который закрылся со злобным лязгом, унося меня по пути к оздоровлению.

На втором этаже я вышел и очень обрадовался, что сосед Серега оказался дома. Попросив его о небольшом одолжении – присмотреть несколько дней за моими вещами, я взял у него какой-то старый рюкзак и откопал в моих безразмер-

ных баулах кружку с ложкой, кипятильник, бритву и зубную щетку, а также сменное белье и сумку с ноутбуком. По поводу последнего мне вчера пришлось выдержать очень нелегкое сражение и клятвенно пообещать, что буду включать ноут только для того, чтобы посмотреть прогноз погоды. Да я даже сам себе поверил в тот момент, когда обещал, хотя точно знал, что недоработанная программка ждет меня с нетерпением.

В общем, покидав реально нужные вещи в рюкзак и пообещав Сереге проставиться, я отправился на вокзал. Дальше было как обычно – покупка билета, ожидание электрички, ведь до неземного курорта всего несколько часов езды, вагон и полудрема, редко прерываемая истеричными возгласами:

– Покупаем клей! («Блин, эти наркоши везде!»)

– Мороженое, холодное пиво! («Хочется, но лень просыпаться...»)

– Голубая луна всему виной! («Чего-чего?! Ах, это просто бродячие музыканты. ГитарАсты бродячие, мать их... Спим...»)

Когда электричка докатила до нужной станции, я уже практически выспался. С облегчением покинув душный раскаленный вагон, я узнал из заранее припасенной распечатки номер автобуса и отправился его искать. По пути всеми силами отмахивался от назойливых таксистов, мимоходом размышляя, на что же те живут, если на каждого приезжающего

их получается человек по десять?

Автобус домчал до поселка за полчаса, невзирая на истошное дребезжание и пугающий чих мотора. Водитель был просто асом, ехал, почти не глядя на дорогу, иногда бросая руль, чтобы двумя руками переключить передачу. Во время сего действия все в салоне испуганно прислушивались к скрежету из днища, думая только об одном: тормоза уже отказали или еще болтаются на какой-нибудь сопле? Когда приехали на место, все будущие отдыхающие покинули эту развалюху, по какому-то дикому недоразумению еще не отправленную на металлолом, и вздохнули с облегчением. Несколько местных с ухмылками смотрели на наши переживания.

Поселиться не составило труда – несмотря на разгар отпусков, свободных мест в пансионате было полно. Хотя какой там пансионат, название одно! Куча небольших одноэтажных домиков по паре-тройке комнат типа «гараж с кроватями», общая кухня, душ и туалет типа «сортир» (ну, разумеется, «мэ» и «жо»). Сказка! Хорошо, что жить мне в этой сказке придется всего шесть дней. На большее я категорически не соглашусь, даже если приплатят, а меньше просто нельзя, ведь родным потом может прийти в голову мысль отправить меня еще куда-нибудь.

Номер мне выдали на окраине, в двух шагах от леса. Само помещение было просторным, большую его часть занимали две кровати типа «софа» с матрацами, а также в нем имелось большое окно, бывшее чистым когда-то давным-давно,

а сейчас вовсю усыпанное дохлыми мухами и затянутое паутиной по углам. Сделав нехитрый выбор между двумя на вид одинаковыми лежанками, я поставил рядом с одной свой рюкзак и аккуратно на нее прилег. Матрац жалобно скрипнул старыми пружинами и обрадовал меня небольшим пыльным облачком.

– Да-а-а... – протянул я. – Не фонтан, однако.

Так, лежа на кровати, я обдумывал свои планы на неделю. Первым делом – наладить более-менее нормальную работу сетки, потом поработать с программкой, где один из багов прямо на поверхности, в прошлый раз я его уже практически обнаружил. Потом пойти куда-нибудь поужинать, прогуляться, посмотреть на достопримечательности, которые найду, и – на боковую. Отлично, на сегодня план готов, можно действовать!

С приподнятым настроением я начал разбирать вещи. Разложил все на кровати – а куда деваться, тумбочка ведь здесь не предусмотрена, – и достал мобильник. Мелкий пушной зверек начал осторожно подкрадываться к моим планам – на дисплее горело: «Нет сети».

– Гадство! – не удержался я.

Теперь еще сеть искать нужно. Должно же здесь быть интернет-кафе или переговорный пункт. Да ладно, это не горит, потом найду. Надо будет вечером обязательно поболтать с аборигенами. Достав из сумки ноутбук, я открыл его, но запускаться тот почему-то отказался.

– Черт!

Маленький пушистый негодник подобрался к моим планам уже вплотную. Но тут я вспомнил, что давеча смотрел на нем какой-то фильм в автобусе и полностью его разрядил. Ну, ничего страшного, это дело поправимое! Слава богу, хоть зарядка на месте, облегченно выдохнул я, нащупав шнур в одном из кармашков сумки. Воткнув провод в ноут, я огляделся в поисках розетки. После тщательного осмотра и вдохновенного мата искомая обнаружилась под кроватью, прибитая к плинтусу двумя ржавыми гвоздями. Поминая черта, я полез в этот угол, попутно помогая здешним уборщицам отрабатывать свой хлеб. Хотя я еще не видел тут этих уборщиц, да и, судя по сантиметровому наросту пыли, вряд ли вообще когда-нибудь их увижу.

Чихая, я воткнул вилку и выбрался на свободу. Правда, лишь только чтобы увидеть, что ноуту мои потуги неинтересны. Он так и остался безжизненным куском пластика, безучастно взирая на меня зрачком веб-камеры. Материть дорогую японскую электронику я не стал, так как знал не понаслышке одну истину – как ты к технике относишься, так она и служит. Вот один мой знакомый несколько раз в год менял системники, и как ни бился, надолго их не хватало – то вирус пролезет, то железо греется и тормозит, то кулера начинают шуметь так, что соседи стучат в стенку.

И вот однажды один чудак ему посоветовал – ты, мол, начни собирать комп с нуля. Сам все детали найди, поставь,

аккуратно, нежно, приговаривая всякие ласковые слова, потом протри все хорошенько, поставь машину, чтобы больше не двигать напрасно, привесь какую-нибудь финтифлюшку, наклейку или светодиод и дай компу имя. Только реальное, чтобы потом всегда его так называть. Знакомый, конечно, посмеялся, а потом задумался и через недельку решил попробовать. Сделал все, как ему посоветовали, и назвал компьютер Валей.

Чудо это было или нет, можно думать как угодно, только с тех пор он полтора года горя не знает. И все вирусы особого вреда не приносят, а особо злобные стороной обходят, и апгрейд еще ни разу делать не пришлось – летает машинка, как новая. Все знакомые над ним посмеиваются втихомолку, когда, приходя домой, он с компьютером здоровается, а ему на них плевать. А с чудачком тем они с тех пор стали хорошими приятелями. Правда, жена его к компьютеру ревновать стала, ее ведь тоже Валентиной кличут. Интересно, во что это у него выльется...

Ну, вот и я не стал свою Асю ругать, а подумал пару минут и пошел проверять проводку. Дальше второго домика не ушел – встретил женщину с двумя обормотами лет семи, которая оказалась моей соседкой по домику. Она любезно мне пояснила, что света в нашем поселке нет и не будет. А есть он в грузинском ресторане, где генератор стоит. Обормоты же не менее любезно сообщили, что Интернета тут тоже не наблюдалось никогда, а пункт связи находится в городе, куда

три раза в день, утром, днем и поздно вечером, ходит автобус, на котором я сюда и приехал. Вот так!

Поблагодарив их за столь ценную информацию, я поплелся в свой номер и рухнул на кровать, которая с готовностью выдала мне новую порцию многолетней пыли.

– Пес-с-сец! – выдохнул я и чихнул.

Воображение услужливо нарисовало мне картину, как пушистый зверек с ехидной мордочкой устраивается на моих планах, с наслаждением на них гадит и, весело посвистывая, удаляется обратно в глубины моего подсознания.

Так, планы рухнули, что теперь делать, решительно непонятно. Ну не ездить же каждый день в город, чтобы часов через семь возвращаться? Да и не так я много с собой денег взял, чтобы тратиться еще и на ежедневные поездки. А тех, что заплатил за шесть дней пребывания в этой «сказке», мне уже не увидеть никогда. Такой у них пунктик есть – деньги не возвращаются, и все тут! Так что даже если меня тут завтра медведь-шатун на обед определит в ближайшем леске и родные будут хоронить то, что от меня останется, снятый мной номер все равно будет меня ждать. Ведь вдруг я еще вернусь, хоть и в потустороннем состоянии, а отдохнуть негде? Непорядок!

Помыслив еще пару минут в подобном ключе и пообещав в случае чего медведю крепкое несварение желудка, я свернул на то, что неплохо бы перекусить. Спрятав все вещи в рюкзак, я пересчитал наличность, запер номер и двинулся

на запахи. Их здесь было много, и все вкусные. На открытом воздухе, местами даже без навесов, дальше по небольшой улочке с домиками мостились различные шашлычные, закусочные, был даже суши-бар, хотя кому он здесь был нужен, я так и не понял. Решив, что в мелких ларьках лучше ничего не брать (вдруг выйдет, как в анекдоте – купи четыре чебурека и собери кошку!), я отправился к большому заведению, где то и дело слышался хохот и играла громкая музыка.

Подойдя к этому ресторану, я услышал слабое тарахтение дизеля и понял, что передо мной то самое место, о котором рассказывала моя недавняя знакомая. Хотя какой там ресторан? Крытый павильон на деревянном помосте, огороженный заборчиком и пластиковой пленкой. Самая обычная летняя кафешка. Постояв немного на пороге и осознав, что есть все-таки хочется, а одними запахами сыт не будешь, я вошел внутрь.

Тут собралось если не все население поселка, то как минимум половина. Свободных столиков практически не было, между шумными компаниями сновали официанты в джинсовых спецовках. Осмотревшись, я увидел одинокий маленький столик в углу. Главными достоинствами этого места были пластиковый стул с трещиной посередине, мусорный бак рядом и рыжий кот, с сосредоточенным видом его изучавший. Причем по упитанной морде кота было ясно, что есть он не хочет и роется в мусоре только из спортивного

интереса.

Я аккуратно присел на стул. Трещина подо мной расширилась, грозя прищемить известную часть тела, как только я зазеваюсь. Кот, которого я мысленно уже назвал Рыжим, повернул голову на неизвестного пришельца, посмеявшегося покуситься на его территорию, и грозно зашипел. Я посмотрел ему в глаза и спокойно и дружелюбно сказал:

– Ты меня не трогаешь, и я тебя не трону.

Кот несколько секунд глядел мне в глаза, затем, фыркнув, вернулся к изучению содержимого бака. Видимо, он решил, что связываться со столь ничтожным человечешкой недостойно его высочайшего внимания. Ну и ладно, как будто мне хотелось!

Устанавливая нейтралитет с Рыжим, я не заметил, как сзади кто-то подкрался.

– Заказыват будэм? – неожиданно рывкнули мне в ухо.

Я, естественно, подскочил. Стул при этом радостно сжал челюсти и ухватил меня за левую ягодицу. Я взвыл, мысленно проклиная дурацкую мебель, свое решение пойти пообедать, родных, отправивших меня отдохнуть, и всех аборигенов вместе с их сказочным поселком. Официант и Рыжий с интересом глазели, как я пытаюсь отцепить стул от своей задницы. Наконец официанту надоело смотреть, как портят имущество ресторана, и он одним рывком сдернул эту пластиковую челюсть с моего тела.

«Крак!» – обиженно щелкнул стул, расставаясь с моей пя-

той точкой.

– Спасибо! – сказал я, глядя на эту садистскую мебель и проверяя, не остался ли кусок моих брюк в его пасти.

Официант с грохотом поставил стул на пол.

– Так заказыват будэм? – строго посмотрел он на меня.

Я в ответ посмотрел на него и, оценив физическую массу, горячую кровь и серьезное выражение лица, говорившее: «Я тэба нэ болно зарэжу», решил не шутить и сказал:

– Будэм!

Зря я это сказал. Официант начал меняться в лице, постепенно наливаясь всеми оттенками сочного помидора. Под его взглядом я скис и опустился на стул, который с готовностью опять распахнул свою челюсть. Предчувствуя, что сейчас пострадает не только моя задница, но и другие части тела, я поспешил смягчить ситуацию.

– А что подают в вашем прекрасном ресторане? – спросил я с выражением паиньки, гадая, будет он меня резать прямо сейчас или сначала накормит.

Официант распахнул уже рот для гневного крика а-ля «Панаэхали тут...», но посмотрел на меня и снова закрыл, видно, решив сначала наточить нож. Затем достал из кармашка фартука засаленное нечто и сунул мне.

– Читат умээш?

– Да, – не стал отпираться я и глянул на предложенное меню.

Оно состояло из одного тетрадного листка в клеточку. Си-

ней шариковой ручкой на нем были указаны блюда, а цен не было – видимо, в этом ресторане было принято устраивать сюрпризы клиентам в конце трапезы. Все это меню было замотано скотчем (ну, его просто таким образом весьма оригинально заламинировали), от которого паста поплыла, и разобрать названия блюд было очень проблематично.

Мне пришла в голову мысль свалить отсюда поскорее, но я сразу отверг ее, потому что трезво рассудил: раз мне здесь предстоят еще шесть дней сказочного отдыха, то питаться где-то необходимо. Поэтому я поднес меню поближе к очкам и попытался прочитать первую строчку.

– Суп с хре... с хрю... с хрикадэлками? – неуверенно выдавил я.

– Нэту, – мрачно заявил официант. – Хрикадэлки кончылыс.

Я продолжил попытки:

– Пилэ... э-э-э... Пельмени?

– И пилэмени кончылыс, – также обломал меня этот грамотей.

Дальше строчки были совсем размытыми, и понять что-либо я уже не смог, но, увидав в конце списка знакомое короткое «борсч», радостно сказал:

– Давайте тогда борщ!

– Нэту, – не менял пластинку официант.

– Кончился? – догадался я.

– И не начыналса! – добил меня этот гад.

Я зашел с другого конца и вернулся к началу нашего знакомства:

– А что у вас есть?

– А гаварыл, читат умээш! – презрительно бросил официант. – Слюшай! Плов ест, шашлык ест, шаурма ест...

– Давайте плов, – обреченно попросил я, поняв, что родной пищи здесь мне не подадут.

– Што пит будэш? – не отставал официант.

Я прикинул, что раз цены тут не указываются, то неизвестно, сколько мне придется отдать за плов, а значит – будем экономить.

– Воду.

Официант лишь еще раз окинул меня презрительным взглядом, буркнул что-то и свалил. Я с облегчением выдохнул и отвернулся. Блин, вот ведь райское местечко! Тут мой взгляд наткнулся на кота. Рыжий смотрел на меня с прищуром, как официант. Фыркнул и продолжил шуршать в баке.

– Вот так, – сказал я сам себе. – Никто тебя не уважает и за человека не держит... Леха, ты полное ничтожество!

Очень обидно такое услышать. Еще обиднее услышать это от любимого человека, а себя ведь я очень люблю, в чем даже не стыжусь признаться.

– И это правда! – добавил я, хотя вроде бы и так никто не оспаривал это заявление.

С самого детства я был немного флегматичным, с плохим характером, ничем особым не выделялся. Сколько себя пом-

ню, друзей у меня не было – приятели и знакомые были, а тех, кто действительно стоял бы за меня горой, я не нашел ни в детстве, ни на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Рос я родителям в радость – не дрался, прилежно учился, с плохими компаниями не связывался, вредных привычек не приобрел. Короче, жил, исповедуя главную идею: «Я в своей норке, мне хорошо, а на остальное – наплевать». Все острые впечатления я искал в книгах, зачитывался фантастикой, представляя себя на месте главного героя, с легкостью мочившего кучу космических монстров и других злодеев.

Так прошло детство, особо из него и вспомнить-то нечего. Книги в итоге закономерно привели к ослаблению зрения. Но по этому поводу я не заморачивался – плохое зрение позволило мне в нужный момент откосить от армии. Из этого случая впоследствии я вывел одну мысль, которая в дальнейшем сильно облегчала мне жизнь – в любой неприятности, которая случилась с тобой, всегда можно найти положительную сторону.

Вот я и жил себе потихоньку, учился, читал, занимался, окончил вуз кое-как, потом определился в заштатненькую фирму, где работал по своей специальности – программистом, о чем вы, несомненно, уже догадались. На работе я, разумеется, звезд с неба не хватал, но был исполнительным, молчал себе в тряпочку и никогда не сопротивлялся, когда шеф нагружал абсолютно левыми и не всегда оплачивавшимися заказами, что позволяло мне быть у него на хорошем

счета. Так я и жил уже три года, ничего в своей жизни не меняя, да и не стремясь к изменениям.

Да, забыл сообщить про еще одну сторону своей личности – к девушкам я был довольно равнодушен. Нет, вы не подумайте ничего такого, ориентация у меня нормальная, удовольствие от встреч с представительницами противоположного пола, что были в моей жизни, я получал, конечно. Просто чувств особых к ним не испытывал, потому и романы мои были недолговечными. Наверное, девушки сами интуитивно понимали, что их место в моей жизни находится где-то рядом с компьютером и бутербродом с колбасой, и выше никогда уже не поднимется.

Благополучно миновала меня и первая любовь. Ну, не было у меня в жизни такого, чтобы ради кого-то хотелось горы свернуть и серенады под окном выводить. Но я как-то и не расстраивался, убеждая себя, что любовь моя бродит далеко-далеко, а так как искать мне вечно было лень, то я обходился теми, что находились поблизости. В итоге романтика в моей жизни присутствовала только в книгах, которые я читал, и мне этого вполне хватало. Вот только последняя девушка как-то немного подзадержалась, не спеша упорхнуть в неведомые дали с другим. Наташка, соседка по подъезду, после грандиозного разрыва со своим парнем вдруг нашла в моем лице временного спутника жизни. Уж не знаю, чем я ее так привлек, но догадываюсь, что отсутствием тяги к алкоголю и хождению «налево», чем грешил ее бывший.

После нескольких недель совместного времяпрепровождения так вышло, что она поселилась у меня. И родители даже не были против, согласившись с ее пребыванием на нашей территории, что само по себе понятно – наверное, решили, что сын наконец за ум взялся, семью заведет, внуков им на радость наделает. Правда, я их планы выполнять пока не спешил, четко понимая, что совместное проживание – это одно, а заведение семьи – это совсем другое, и ко второму вообще переходить не планировал, надеясь, что Натка все же одумается и в один из дней, прекрасный или не очень, от меня уйдет. Только мои надежды пока не оправдались.

Бывало, я на досуге гадал, что же она могла во мне найти? И не красавец вроде (хотя и не особый урод), не спортсмен (даже зарядку по утрам через раз делаю, а ввиду сидячего образа жизни уже начало проявляться пивное брюшко), и не интеллеktуал (до гения явно не дотягиваю), да и денег я много не зарабатываю (сколько есть, мне хватает, всех все равно не заработаю, а значит, и пытаться незачем!). Короче, серенький такой суслик-очкарик с тяжелым характером. Про характер я уже говорил, нет? Тогда представьте себе сплав флегматика и законченного пессимиста, эдакую бесчувственную сволочь с большой долей нездорового цинизма. Представили? Так вот это – я!

Короче, как говорится, масса других вариантов далеко меня обходит по всем статьям. И чего Наташка за меня держится, я решительно не понимаю! Ладно бы любила (как в

анекдоте про козла, а я ведь козел еще тот), так ведь нет – возвышенными чувствами между нами и не пахло. В итоге, поразмыслив недавно на эту тему, я понял: раз такое дело, пора уже переходить к более серьезным отношениям. Да вот все не решался поговорить с ней об этом. Может, потому, что где-то в глубине у меня теплилась надежда, что всего этого серьезного удастся избежать.

Так мои мысли незаметно свернули на большую мозоль, извечный вопрос прямо по Шекспиру – жениться или не жениться? С одной стороны, вроде хорошо – всегда есть девушка рядом, будет кому и за квартирой, и за мной присмотреть (нет, я не чмошник, но за своим внешним видом слежу не особо). Но, с другой стороны, если организуется семья, значит, появится ребенок или несколько. Их нужно кормить, растить, воспитывать, тратить на них кучу времени и денег. А самое главное, никто не поручится за результат. Вот вырастет мой сын и станет такой же циничной бездушной сволочью, как я – это будет сюрприз всем! И ведь ничего уже нельзя будет сделать, прямо по пословице: если яблонька паршивая, то и яблоко с червяком!

Вот сидел я в этом ресторане и думал о том, что заводить жену – себе дороже выйдет. Я ведь и домашних животных не держал, и родителям не позволял именно из тех же соображений. Хотя взять в дом котенка и завести жену – это не одно и то же... Надо же, «завести жену», ухмыльнулся я, это хорошо сказано. Так сразу и представляешь разные весе-

лые ситуации. Вот сидит дома банкир, решает завести жену и подсчитывает, какая порода жен ему больше всего подходит, выводит соотношение цены – качества... Или другой случай: приходит работяга в цех грустный, ему друзья-коллеги: «Что-го стряслось?» А он в ответ: «Да вот, жена на днях завелась, а чем вывести – не знаю...» Смех, да и только!

Чувствуя, как на моем лице невольно появляется дебильная улыбка, я подумал, что жизнь все же не так плоха, в ней есть масса приятных вещей. За такими мыслями я опять не услышал, как сзади подкрался официант.

– Плов, – все так же мрачно сообщил он и грохнул передо мной тарелку очень неаппетитного месива, в котором слегка угадывался рис коричневатого оттенка с непонятным набором вкраплений.

Подскакивать на этот раз я не стал, помня, чем кончилась для меня предыдущая попытка. Просто смотрел на эту тюрю и размышлял, съедобна она или нет. Рядом со стуком опустился граненый стакан с жидкостью, по виду напоминавшей воду.

– Ну? – официант не спешил уходить.

– А? – не понял я.

Он что, сейчас следить за мной будет, чтоб все доел?

– Што «а»? Денги давай! – пояснил товарищ.

– А-а-а-а, – протянул я. – А сколько?

– Патдесат гривен.

– Сколько?!

Я все-таки подскочил. Стул, только и ждавший этого момента, сомкнул свои челюсти уже на моей правой ягодице и аппетитно кракнул.

– Это грабеж, – простонал я со стулом на заднице.

Однако я все же вспомнил свой предыдущий опыт, прекратил дергаться и постарался занять исходное положение – аккуратно опустил стул и осторожно сел на него, с облегчением ощутив свободу своей пятой точки. Однако до полной свободы мне было еще ой как далеко. Официант, видимо, поняв, что чаевых он сегодня от меня не получит, начал медленно наливать краской, навис надо мной одинокой горой Северного Кавказа и прорычал:

– Што, платит нэ будэш?

Я вжался в стул своей многострадальной пятой точкой, мечтая стать маленьким и незаметным. Краем глаза я заметил, что Рыжий оторвал свой внимательный взгляд от мусора и наблюдает за сценой вымогательства.

– Разве одна тарелка обычного плова может стоить пятьдесят гривен? – попробовал я смягчить ситуацию.

Официант, все так же неумолимо наливая краской, наклонился еще ближе:

– У нас можэт!

Люди с соседних столиков, подобно Рыжему, повернули головы и с удовольствием стали наблюдать за развитием событий. А мой «горячий парень» понизил голос, добавив ему мрачности, так что это стало походить на озвучку какого-ни-

будь главного демона в фэнтезийной игре.

– Так будэш платит или я охрану зову? – пророкотал он.

Я мысленно прикинул размер моих будущих неприятностей и решил согласиться, проклиная тот момент, когда вошел в это горячее заведение.

– Буду... – произнес я и полез за кошельком.

Люди за соседними столиками разочарованно вздохнули. Конечно, ведь они ожидали продолжения банкета, с мордобоем и прочими атрибутами скандала. Рыжая сволочь в очередной раз фыркнула и вернулась к мусору, а я, выудив из кошелька кровные полсотни, отдал их официанту. Тот не стал продолжать играть роль злодея фэнтези и гнусно хохотать инфразвуком, а просто фыркнул (ну прямо как Рыжий), повернулся ко мне кормой и скрылся в тумане заведения. Я же облегченно выдохнул и подумал, что такой отдых явно пресыщен экстримом, которого в описании курорта не упоминалось. Оглядев месиво, лежащее на тарелке, я взял ложку и долго перемешивал его, пытаюсь определить хотя бы один ингредиент, кроме риса. Когда обнаружилась свекла, которая там явно была лишней, я решил попробовать это на вкус.

Первая ложка пошла хорошо – вроде съедобно и не сильно горчит. Вторая пошла хуже – я почувствовал привкус мыла, а горечь стала усиливаться. Это привело к тому, что у меня стала активно бежать слюна, и дальше я решил не определять качества еды, а просто набить желудок. Я начал быст-

ро глотать эту тюрю, не разжевывая и стараясь, чтобы она как можно меньше задерживалась на языке. Когда я опустошил тарелку, жжение во рту было просто невыносимым. И тогда я порадовался, что заказал еще и воду. Быстро опрокинув в себя стакан, я попытался залить пожар. На мгновение мне показалось, что пламя утихло. Но как только последняя капля скользнула в желудок, огонь вернулся. Теперь жжение было даже в носу, и я, плюнув на все приличия, вскочил со стула (причем удачно вскочив, даже без потери штанов) и быстро вышел. Когда я кинул прощальный взгляд на ресторанчик, мне показалось, что Рыжий провожает меня гаденькой улыбкой. Но чего только не померещится с моими минус восемь на оба глаза?

Добежав до своего домика, я залетел на общую кухню, осмотрелся и, найдя кран, кинулся заливать пожар, который, по ощущениям, уже вовсю полыхал в желудке. С облегчением выпив литра два холодной воды, я еще несколько минут просто стоял, держа высунутый язык под струей и испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение.

Занятый пожаротушением, я даже не заметил, как на кухню пришла соседка и стала возиться у газовой плиты. Я спрятав язык, закрыл кран и, повернувшись, увидел ее веселый взгляд.

– Да вот, пить захотелось... – тоном «Карлсон о плюшках» пробормотал я.

Она понимающе улыбнулась.

– Небось плова накушались в ресторане? Так он же несъедобный! Мы с детьми сами в первый день туда пошли, так потом два дня желудками маялись! – радостно сообщила мне она, будто рассказывала, что выиграла в лотерею.

– Спасибо за информацию, – вновь поблагодарил я ее. – Уж очень она своевременная!

– Нема за шо! – Улыбка этой тетки стала еще шире. – Мы же теперь продукты сами покупаем и готовим тоже сами. Своим-то не потравимся! И вы тоже так делайте. Тут недалеко рынок, мы с утра на него ходим, всего-навсего километров шесть... Зато зарядка хорошая и приятно всем вместе по лесу пройтись.

Услышав о сомнительной перспективе так заботиться о своем питании, я окончательно скис. Потом из вежливости поболтал немного с общительной соседкой, представившейся Зинаидой, и отправился к себе. Придя в номер, я опять поднял облако пыли, рухнув на кровать, и выдохнул со злостью:

– Полный пес-с-сец!

Нет, не везет мне сегодня! А если мне сегодня не везет, значит?.. Значит, нужно, чтобы поскорее пришло завтра и черное пятно сменилось нежным белым цветом. А почему пятно, спросите вы? Да потому что это у нормальных людей жизнь в полоску, а у меня она как леопард – в пятнышках. Улыбнувшись сравнению, я закрыл глаза в предвкушении нового дня и снова чихнул. Затем еще раз.

– Да чтоб тебя! – сквозь чихи пробормотал я.

Пришлось вставать и отправляться к окну, с надеждой хоть сквознячком выдуть эту чертову пылюку наружу. О том, чтобы вытряхнуть матрац, и речи не шло. Думаю, ему такие методы просто противопоказаны – развалится, старичок. В нем, наверное, кроме пыли и ржавых железок, и не осталось уже ничего. Окно же при ближайшем рассмотрении навевало грустные мысли. Его не красили никогда. Местами дерево превратилось в труху и прогнило, несколько стекол были из половинок, всюду зияли щели, шпингалеты покрылись ржавчиной. Представив, что было бы со мной, будь сейчас похолоднее, я решил все-таки его открыть и аккуратно взялся за ручку одной рукой, а второй начал вытаскивать шпингалет.

Крак! Язычок шпингалета остался у меня в руке, а ржавая железяка все так же преграждала путь к свежему воздуху. Попытки расковырять ее, вставить язычок на место и вдохновенный мат не дали ничего. Тогда, решив просто дернуть створку посильнее – авось шпингалет сам выскочит, я поднатужился и...

Крак! Ручка повисла на одном шурупе, а створка так и осталась недвижимой. Продолжительный мат опять же результатов не дал. В общем, кое-как приладив ручку просто для видимости, я решил открыть хотя бы форточку. После нескольких рывков та покорила моей грубой силе, и небольшой сквознячок начал постепенно уносить пыльный туман за пределы комнаты. Немного подышав у окна свежим

воздухом и всласть начихавшись, я вернулся на кровать, лег, не раздеваясь, и попытался заснуть. Пусть сегодня принесло мне кучу неприятных впечатлений, но завтра будет новый день! О том, что он может мне принести, я старался не думать и вскоре задремал...

Вот только я и не догадывался, что черное пятно в моей жизни вовсе не думало кончаться. Посреди ночи я внезапно проснулся и пулей бросился в туалет. Последующие за этим часа три меня мучило жесточайшее расстройство желудка. Я уже начал бояться, что весь утеку в канализацию, и проклинал свою судьбу, сидя на белом коне и кормя пищащих в темноте сортира кровососов. Но все плохое тоже когда-то кончается, и к рассвету меня немного отпустило. Весь несчастный, с бледно-зеленой физиономией, я напился воды и вернулся досыпать в номер. Так закончился мой первый день пребывания в этом райском местечке.

Глава 2

Долгая прогулка

Весь следующий день я чувствовал себя препогано, как в физическом плане, так и морально. Поднятию моего настроения не способствовали частые позывы кишечника вывести всю отраву, которую я так неосмотрительно вчера в себя запихнул. Одно радовало: при мысли о еде желудок судорожно сжимался, что приводило к очередному позыву, поэтому голода я пока не чувствовал. Привыкнув во всем искать хорошие стороны, я убеждал себя, что давно хотел похудеть, и вот теперь выдалась замечательная возможность осуществить мечту. И весьма недорого, всего за полтинник, мне гарантировано полное очищение организма и стойкое неприятие пищи минимум на сутки. Я вспоминал, как ехидно скалился Рыжий мне вслед, и матерился про себя. Видимо, мне все-таки не показалось.

С таким самочувствием мне было не до красот здешней природы, не до свежего воздуха, а тем более речки и всего прочего. Лишь к вечеру мне немного полегчало, и я сумел протолкнуть в себя сухарик, который любезно предложила соседка, наблюдавшая за моими страданиями. Вот ведь странная женщина! Она бы мне лучше лекарствами какими помогла, ведь аптека в данном учреждении не была преду-

смотрена изначально, а аптечка у дежурной вахтерши содержала только бинт и пузырек засохшего йода. Но, все-таки сжевав сухарик и запив его кружкой кипятка – так как заварку-то я с собой взять забыл, а наглеть и клянчить у соседки было стыдно, – я поплелся к себе в номер, сильно измученный вынужденной голодовкой.

Лежа в темноте на кровати и пытаюсь заснуть, я думал, что лучше бы согласился на занятия альпинизмом, чем поехал сюда. Это ведь не курорт, а кошмар какой-то! Ни удобств, ни обслуживания, ни спокойного отдыха. Судя по всему, организаторы просто забыли сообщить в рекламе, что приезжать сюда желательно людям с железным здоровьем и крепкими нервами, иначе отдыхающие рискуют вместо отдыха обрести вечный покой. И прикопают аборигены их тут по-тихому в ближайшей рощице. А что? Места тут диковатые, никто и не заметит пропажу одного-двух любителей природы.

Из таких мрачных мыслей меня вывел писк мобильного. Я достал его из кармана, надеясь, что появилась хоть какая-то связь. Но нет – на экране горела предупреждающая надпись: «Аккумулятор разряжен». Видно, непрерывный поиск сети истощил и без того слабые его запасы. Напоследок этот самодовольный кусок пластика сказал мне: «Гуд бай!» и выключился. Материться не было смысла. Я ведь был сам виноват – забыл вчера его выключить в надежде, что удастся поймать хоть какую-то сеть, забравшись на близлежащий холмик. Со вздохом спрятав мобилку, я начал ду-

мать, как теперь ее заряжать. Вариант, при котором нужно идти в ресторан со своей зарядкой и просить тамошних хозяев о крохе энергии, я отбросил сразу. Оставалось только съездить в город. Решив завтра с утра этим заняться, я начал погружаться в сон.

Однако сразу я заснуть не смог, это меня и сгубило. Надоедливый писк в ушах возник на грани слышимости и исчезать не собирался. Проклиная мелкую кровососущую живность, уже порядком попившую вчера моей кровушки, я завернулся в одеяло, оставив только щелку для дыхания. Но пара десятков чихов убедили меня, что лучше все же дышать без пыльного одеяла. А как иначе, если один его запах вызывал в моем носу неудержимый зуд? Скинув с себя эту мерзкую тряпку, я предоставил свое тело на поедание кровососам. Ничего страшного, наедятся по-быстрому и успокоятся!

Но эти наглые твари не обращали внимания на мои голые руки и ноги и стремились к лицу, видимо, обнаружив самое сладкое место в моем организме. Пару десятков шлепков по щекам их не убедили. И ведь чувствовал, что убиваю гадов одних за другими, но меньше писка в окружающей темноте отчего-то не становилось. После получаса шлепков по лицу и махания над собой руками я понял, что в моем номере собралась вся эскадрилья данной местности, которой срочно требуется дозаправка свежей кровушкой. Осознав данный факт, я встал и закрыл форточку, хотя смысла в

этом уже не было никакого – ведь все кровососы уже рядом! Затем порылся в рюкзаке, достал свитер и начал со злостью им размахивать, приговаривая злым шепотом:

– Получите, сволочи! Не прибью, так хоть покалечу!

После нескольких минут работы вентилятором я вернулся в кровать и прислушался. Писк был пока не слышен. С облегчением вздохнув, я вскоре стал задремывать, но сон опять прервался наглым жужжанием возле уха. Хлопнув по уху и никого кроме себя при этом не задев, я в сердцах выругался, а затем замотал голову свитером и отрубился, наплевав на кровососов.

Утро меня встретило прохладой и страшным зудом в конечностях. Такое впечатление, что чесались даже кости! Со стоном поднявшись, я принялся рассматривать урон, нанесенный ночными агрессорами. В принципе, удалось отделаться малой кровью, причем в буквальном смысле. Ноги большей частью были закрыты штанами, хотя по зуду выше колен я понял, что некоторым особо голодным особям ночью не в падлу было пролететь лишние сантиметры. Пострадали лодыжки, хотя и были закрыты носками. Такое впечатление, что пятки тоже были искусаны, поскольку и они сильно чесались. Живот не пострадал совсем – видимо, никому не удалось прокусить футболку. Руки пострадали больше всего, количество отметин на них я и не пытался сосчитать.

Я некоторое время с удовольствием расчесывался, а потом отправился в душевую, где в осколке зеркала смог уви-

деть результаты ночного сражения. Да, нападавшие понесли ощутимые потери – все лицо было в засохших кровавых потеках и останках насекомых. С гордостью осмотрев поле битвы, я принялся умываться, размышляя, как бы найти на кровососов управу, потому что с грустью осознавал: следующей такой битвы я могу и не пережить. Эти же гады наверняка распробовали мою кровушку, так что сегодня еще и друзей захватят!

В душевую заскочили соседские оболтусы и, поздоровавшись, начали баловаться и брызгаться водой во все стороны. Ополоснувшись и тем самым вернув себе нормальный цвет лица, я поспешил ретироваться. На выходе столкнулся с Зинаидой, которая также спешила принять водные процедуры.

– Ну как здоровьечко? – радостно поприветствовала меня она.

– Сегодня уже получше, – улыбнулся я.

– Ну и ладненько, – вернула улыбку соседка. – А мы тут собрались с утра пораньше на рынок сходить. Пойдете с нами? Вместе ведь веселее!

Прикинув, что питаться мне в ближайшее время все же нужно, я решил согласиться. Только уточнил мимоходом:

– Это на тот рынок, который за шесть километров отсюда?

– А як же, другого же ж нет! – весело ответила она.

Заверив Зинаиду в своей согласии, я отправился в номер. Пересчитал наличность, прикинул, сколько мне нужно на обратную дорогу, и решил, что денег с лихвой хватит на про-

дукты, которыми я буду питаться в оставшиеся четыре дня. Захватил рюкзак, вытряхнув из него все лишнее, спрятал ноутбук под одеяло, чтобы не смущать возможных домошников, проходящих мимо окна, и вышел из номера, закрыв его на ключ. В ожидании соседей я с наслаждением вдыхал прохладный воздух. А ведь не врали, черти! Действительно свежий и чистый. Вот и не верь после этого рекламе.

Солнышко еще только показывалось из-за ближайших холмов, ветерок доносил запахи свежей травы, а лес таинственно темнел неподалеку. Я вообще в такую рань никогда не поднимаюсь, поэтому сейчас наслаждался этими моментами утра и наблюдал за пробуждающейся природой. Поселок еще спал, жаворонками оказались только мы с соседкой, поэтому я мог отчетливо слышать пение птиц, не перебиваемое громкой музыкой из ресторана, и шелест листвы на деревьях, не заглушаемый голосами отдыхающих. Наконец Зине удалось собрать двух своих оболтусов, и мы отправились в лес. Соседка с уверенностью Сусанина вела нас по хорошо утоптанной тропинке, которая петляла среди деревьев и терялась в утреннем тумане. Я шел рядом с ней, а пацаны носились туда-сюда, забегая то вперед, то в сторону, чтобы проверить особо интересную полянку на предмет грибов. Глядя на них, я удивлялся, откуда в них столько дикой энергии, что так и заставляет их бегать, подпрыгивать, дурачиться. Сколько себя помню, никогда таким не был, даже родители все время умилялись – мол, серьезен не по годам.

Мы все шли, и шли, и шли... Я рассматривал местность и впечатлялся. Лес был настоящим, такого не найдешь в черте города. Та лесопосадка, которая находилась рядом с моим домом, не вызывала подобного ощущения некой перво-зданности, дикости. Наверное, этому мешал мусор, в больших количествах валявшийся под кустами. Здесь же такого не наблюдалось – все было чисто и нетронуто. Мне даже начало казаться, что, свернув с дорожки, я попаду в места, которые никогда не ощущали присутствия человека... Тут я заметил в траве смятую сигаретную пачку, и весь настрой пропал. Вздохнув, я продолжал мерно шагать вслед за Зиной.

А та всю дорогу не замолкала, радостно стрекоча и вываливая на меня кучу очень нужных сведений: и что муж ее не смог поехать, потому что начальник у него большая сволочь, не отпустил, и что скоро они собираются покупать новый холодильник... «Коля, не лезь на дерево, сорвешься!»... и что соседка по этажу у них чисто ведьма, так и норовит кого-нибудь сглазить... «Ванька, паршивец, не лезь в грязь, свинья ты эдакая!»... и что... А я шагал рядом, в нужных местах машинально поддакивал, кивал головой и всеми прочими движениями показывая заинтересованность в разговоре, хотя сам в этот момент думал совершенно о другом. Такое для меня было несложно, сказывалась практика общения с девушками, которые были у меня в жизни.

Этому я научился не сразу. Поначалу приходилось тщательно выслушивать всю ту ересь, что на меня выливали

мои собеседницы, но однажды я вдруг обнаружил, что способен, словно Цезарь, делать несколько дел одновременно. Как-то раз при разговоре с подругой я отвлекся и, продолжая ей поддакивать и задавать уточняющие вопросы, мысленно стал планировать, как мне распределить свою скудную стипендию на месяц. В общем, очнулся я только тогда, когда моя подруга спустя час разговора перешла к поцелуям. Преимущества этой способности я оценил по достоинству и стал активно развивать и применять ее по назначению. Поэтому уже никогда не нервничал по поводу того, что на бессмысленную болтовню тратится столько полезного времени. И только благодаря этому умению в рядах сокурсниц я прослыл отличным собеседником, с которым можно поговорить о чем угодно, что сильно облегчало мне налаживание тесных связей с противоположным полом.

Так мы и шли, дорога змеей стелилась нам под ноги, лес распахивал свои объятия, ветерок ласково обдувал лицо, а солнышко поднималось все выше и выше, заливая ярким светом лесную чащу. Все это было, конечно, замечательно, но у меня начинали уставать ноги, а желудок проснулся и потребовал еды. По моим ощущениям, прошло уже часа полтора, как мы отправились в поход, а конца и края ему было не видать. Не выдержав, я прервал Зину во время упоительного рассказа о подробностях жизни героев знаменитого сериала и поинтересовался:

– А долго нам еще идти? Вы же говорили, всего шесть

километров?

– Так шесть километров – это если по прямой, – ответила Зина. – А мы же по лесу петляем, какая тут может быть прямая? Тут часа три или больше нужно идти. – Она поглядела на меня с удивлением. – Если бы сразу сказали, что на рынок вам нужно быстро попасть, я бы вас с собой и не брала. Подождали бы автобус и поехали на нем!

– Так автобус же на вокзал идет, – не понял я.

– Ну да, а рынок как раз рядом с вокзалом и находится! – выдала Зинаидочка.

Блин, приехали! Это абзац какой-то! Ну и зачем мне было пешком тащиться в город, если можно спокойно доехать на автобусе? Кроме того, зарядку к мобильному не взял, ноутбук оставил... Зачем я туда прусь? Хотя... Точно! Надо найти положительные моменты в данной ситуации. Их просто не может не быть!

Поглядев на Зину, я отметил, что она с ехидной улыбкой наблюдает за моей все более окисляющейся физиономией. Я моментально подобрался и жизнерадостно начал перечислять для нее, а заодно и для себя, плюсы этой ситуации.

– Ничего страшного, зато прогуляюсь по лесу, подышу свежим воздухом, разомнусь, наконец! Да и все равно мне нужно в городе переговорный пункт найти, родным позвонить. В общем, все отлично! – заявил я. – Так что вы там говорили про вашу героиню, как она там с шефом поступила?

Соседка улыбнулась уже без ехидства и продолжила рас-

сказывать о перипетиях сериала, а я начал прикидывать свою дальнейшую жизнь. Сегодня день пропал, это точно. Пока дойдем до этого рынка, пока закупим продукты, пройдет черт знает сколько времени. Я же знаю, как женщины ходят на рынок! Пока все не пересмотрят, не накупят столько всяких мелочей, о которых ты бы и не вспомнил никогда, пока не обойдут все ряды и не потратят имеющуюся наличность, никогда не успокоятся! Поэтому я всегда отказывался от сомнительной чести сопровождать маму в походе на рынки и в магазины. Несколько раз мне вполне хватило для впечатлений. Так что теперь она ходит закупать продукты только с отцом. У него нервы покрепче моих будут.

В итоге, подведем итоги: пока дойдем (а неизвестно, сколько еще пилить по лесу), пройдет еще час-полтора, рынок отнимет часа три (в лучшем случае), потом переговорный пункт и назад – еще столько же. Вернемся в поселок к вечеру (надеюсь на это), а там два часа – и на боковую! Короче, все, что планировал сегодня сделать, опять летит к чертям! Нет, можно быстро накупить продуктов и самому отправиться назад, не дожидаясь соседки. Но, зная о своем фантастическом умении ориентироваться на местности (отсутствует оно у меня напрочь, не правда ли, фантастика?), а тем более в лесу, я решил эту идею не рассматривать.

Так, в размышлениях, я продолжал идти дальше, слушая щебетанье соседки и гадая, сколько же еще осталось. За это время солнце поднялось высоко, и лучи его, пробиваясь

сквозь густые кроны деревьев, начали припекать макушку. Я уже начал думать, что мы заблудились, когда, наконец, стали появляться признаки цивилизации. Мы миновали старую асфальтовую дорогу, затем несколько заброшенных халуп и вышли к железнодорожной насыпи.

– Теперь уже немного осталось, – просветила меня Зина, оторвавшись на минуту от обсуждения достоинств женских брючных костюмов.

С недоверием посмотрев на нее, я предпочел промолчать. Но не прошло и пяти минут, как по обеим сторонам насыпи появились жилые домишки, а вскоре возникло знакомое здание вокзала. Поняв, что не все так плохо, я приободрился и вместе со своими соседями устремился на рынок, что широко раскинулся за ним.

Первым делом мы купили продуктов. Я тут же, у первой бабушки, взял несколько чебуреков и быстро их умял, заглушая голодные вопли желудка, который к этому времени разошелся не на шутку. Подозрения о всякой гадости, что в них была, я решил просто отбросить подальше. Ну а потом, поскольку ни жарить, ни варить мне не в чем, я старался покупать то, что не нуждается в готовке, или то, что можно приготовить в кружке. Так в моем рюкзаке появились две палки сухой колбасы, хлеб, пачка чая, фрукты (вот их готовить точно не нужно), несколько сухпродуктов от «Горячей кружки» и любимая (потому что частая) еда украинских студентов – лапша «Мивина». Эту дрянь я решил купить, что-

бы оставить в качестве НЗ, если очень сильно припрет. Ну, еще я взял немного печенья к чаю и складной ножик, чтобы резать хлеб и колбасу.

Вот это все я сгрузил в рюкзак, прикинув мимоходом, что тянет это килограммов на пять, и продолжил таскаться по рынку, сопровождая Зину с ребятами. Это сопровождение стоило мне большого количества нервных клеток. К концу я так вымотался, что решил больше никогда не ходить на рынок с женщиной и детей не заводить принципиально. Однако вечером, отойдя от впечатлений, я даже похвалил себя за стойкость, потому что в тот момент и в том состоянии все-таки умудрился вспомнить про кошмарную ночь и, заприметив киоск со всякой всячиной, бросился к нему за средством от комаров. К сожалению, никаких мазей и дезодорантов против насекомых я там не обнаружил – одни только пластинки «Раптора», которые в моем случае были бесполезны. Их же нужно вставлять в нагревательный блок и включать в розетку, а электричеством у меня и не пахло.

Продавщица всякой всячины, заметив безмерное огорчение на моем лице, поинтересовалась о его причинах, а потом долго смеялась.

– Чудак-человек! Их же поджигать можно! – просветила она меня. – Поджег пластинку, подымил в квартире – ни один комар не появится! Выслушав столь интересный совет, я удивился (а зачем тогда приборы для розеток продавать?), и купил себе целый лист этих пластинок, про запас, ну а по-

сле решил приобрести зажигалку, чтобы спички у соседей не клянчить. Долго искать не пришлось – недалеко стояла палатка, где торговали этими необходимыми каждому никотиноману предметами. И каких там только не было! Разноцветные, всех форм и расцветок, в виде ручек, брелочков и прочей ерунды. Но главным украшением прилавка были прямоугольные стальные «Зиппо», призывно блестящие и привлекающие к себе мой взгляд.

Я ведь всегда был сорокой и заглядывался на различные блестящие штучки. В раннем детстве это проявлялось особенно сильно. Какую только дрянь типа битого стекла я не тащил себе в карманы... С возрастом это так и не прошло. Вот и сейчас я просто не смог себе отказать и купил красивую металлическую зажигалку с рельефным изображением оскаленного черепа. Не пропадет, решил я, повертев блестящую цацку. Сереге подарю, он как раз курит, а мне ведь ему еще проставиться нужно будет. Спрятав зажигалку в карман, я вернулся к Зине с сыновьями. Надо сказать, затарились они основательнее меня, руки каждого оттягивали объемные пакеты со всяческой снедью. Нам же еще идти черт знает сколько, удивленно подумал я, но решил не заморачиваться чужими проблемами и отправился вместе с соседями на вокзал. Там я их попросил немного подождать, а сам отправился звонить родным. Сквозь треск и шорох помех я все-таки смог услышать маму, быстро сказать ей, что все у меня в порядке, отдыхаю, получаю непередаваемые ощущения, ну и

тому подобное, а потом быстренько отключился. А то знаю я этих женщин, им лишь бы поболтать, будет еще по несколько раз переспрашивать, давать советы... Нет уж, вот вернусь домой, расскажу все детально и в лицах. Так расскажу, что они лет пять даже заикаться о моем отдыхе не будут!

Дорогу назад я помню смутно. Шли мы намного дольше, чем в первый раз. Продукты в рюкзаке давили на плечи, создавая впечатление, что количество их увеличивается с каждой минутой. Ноги гудели, я еле их переставлял, солнце припекало голову, по спине тек пот. В голове билась только одна мысль: «Лишь бы дойти!» Спасительные строения поселка я увидел, когда, совсем уж отчаявшись, всерьез решал, не рухнуть ли мне под ближайшим кустиком. Кое-как доползая до своего номера, я открыл дверь и буквально свалился на кровать. На пыль, поднявшуюся при этом, мне в буквальном смысле было начхать. Потом я чертыхнулся, извлек из-под одеяла ноут в сумке и, пробормотав: «Извини, Ася, я не специально...», положил его рядом с кроватью.

Ноги постепенно начали отходить, а когда у меня появились силы снять кроссовки, я вообще испытал блаженство. Полежав так несколько минут и почувствовав, что проваливаюсь в объятия Морфея, я все же совершил подвиг – встал и пошел на кухню, где на скорую руку нарезал себе колбасы с хлебом и, быстренько все это умяв, запил кружкой чая.

Вернувшись в номер, я первым делом нашел пластинки от комаров и запалил сразу две, методично окуривая дымом

всю комнату. Меня порадовало то, что комары, которых я замечал, от дыма начинали корчиться и после непродолжительного полета падали на пол, где я их злобно растаптывал, мстя за ночные унижения. Выкинув тлеющие остатки пластинок в форточку, я разделся и лег. Последняя мысль была о том, как бездарно и бестолково прошел этот день. А ведь осталось еще три...

Глава 3

Поход за грибами и его последствия

Проснулся я рано утром, еще до восхода солнца. Все тело болело, словно ночью в гости приходил слон и основательно на мне потоптался. Кое-как, со стоном и матом, я сумел подняться. Ноги дрожали и отказывались принимать на себя вес тела. Однако я сумел убедить себя в том, что душ должен принести облегчение, и вышел из номера. Шипя сквозь зубы, я обнаружил, что горячая вода в душе отсутствует напрочь, поэтому водные процедуры пришлось сократить до минимума. Одно хорошо – холодные струи смогли хоть немного умирить боль в мышцах.

За завтраком я с грустью думал о том, что оказался таким хилым задохликом, и с завистью смотрел на соседей. Надо же, обычная прогулка по лесу так меня вымотала, что мне уже и жить не хочется. А им – хоть бы что, все бодренькие, веселые, жизнерадостные. Даже на речку за компанию сходить предлагали, но я с тяжким вздохом отказался. От мысли, что нужно куда-то ИДТИ, мне становилось дурно. Позавтракав, я продолжил отсыпаться в номере и вылез оттуда только вечером, когда все окрестные соседи собрались ужинать на общей кухне.

За знакомством и разговорами вечер пролетел незаметно. Засиделись мы хорошо, за полночь. Соседями оказались приятные люди – две парочки, мужчина в годах и несколько парней моего возраста. Все они любили природу и приезжали сюда уже неоднократно, места знали отлично, даже советовали подняться как-нибудь на закате на одну невысокую горку, которая находится неподалеку, и заверяли, что впечатлений я получу массу. Само собой, я пообещал им забраться туда при первой же возможности, подумав, что мой отказ может их обидеть.

Разошлись мы, довольные друг другом, а на следующее утро они подняли меня очень рано и заставили пойти с ними на речку. Я планировал поспать до обеда, но в этом райском уголке мои планы неизменно рассыпались в пыль. Решив до отъезда ничего больше не предполагать, а просто побездельничать, я пошел с компанией к реке. Радовало то, что вчерашняя боль превратилась в слабый отголосок, а ноги вновь стали послушными.

Шли мы недолго – минут пятнадцать, удаляясь от поселка в глубь чащи. Шум цивилизации постепенно стихал, уступая место звукам леса. Шагая, я подумал, что все-таки что-то в этом всем есть такое особенное, нужное... Не зря же куча людей использует малейшую возможность для того, чтобы вырваться из городского муравейника на природу, где можно побродить в одиночестве.

Незаметно вдалеке возник шум речки, парни повернули

в ту сторону, продираясь сквозь густые ветки кустов, и все последовали за ними. И вот мы вышли на берег. Я огляделся... Действительно, не зря я пришел сюда. Мне открылся живописный уголок – лес в этом месте немного отступал, и за кустами был небольшой уютный пляж. Возле самой воды лежал древесный ствол, вся нижняя часть которого была покрыта мхом. Речка, шириной всего метров десять, текла себе неторопливо, а ветерок создавал на поверхности воды легкую рябь, поблескивающую солнечными бликами. Красотища! Меня так и подмывало крикнуть от всей души что-нибудь нецензурное, глядя на эту солнечную дорожку.

Пока я любовался видами, другие уже побросали свои вещи. Девушки остались в купальниках, дружной веселой толпой прыгнули в речку и начали ее баламутить, плескаясь и поднимая со дна ил. Все мое любовательное настроение испарилось тут же, хотя желание выдать нецензурщину осталось. В воду меня новые знакомые затащить не смогли, хотя и пытались. Нет уж, мне и душа хватит вполне, я не любитель плескаться в холодной воде. В общем, я просто смотрел, как бултыхаются другие, сидя на бережку и наслаждаясь тем, что никуда не нужно идти.

После купания парни затеяли шашлык. Девушки расстелили одеяла. Через некоторое время, когда шашлык начал ароматно пахнуть, кое-кто сбегал в свои номера и принес продукты и горячительно-прохладительные напитки. Я тоже сходил к себе и принес фрукты, выложив их на общий

стол, организованный на одном из одеял. Ребята оглядели мое подношение и единодушно признали, что это все ерунда, но на закуску пойдет. Потом мы ели шашлык, пили водку, пели песни, рассказывали различные истории из жизни, делились впечатлениями о здешних местах. Я пил мало – никогда не увлекался спиртным. По моему глубокому убеждению, лучше с наслаждением выпить бутылочку хорошего пивка, чем бахнуть сто граммов водки. Раньше все мои знакомые меня рьяно переубеждали, но я был тверд и свои принципы не менял.

Наши посиделки продолжались до самого вечера. Компания подобралась хорошая, не хотелось расходиться. Я вдруг почувствовал, что это и есть – настоящий отдых. Не изнурительные прогулки по лесу, не экстрим в горах или на реках и не примитивная коллективная пьянка, а время, проведенное с интересными людьми, общение с приятными собеседниками и искреннее желание сочувствовать в широком понимании этого слова.

Но и хорошее имеет свойство когда-нибудь заканчиваться. Люди, пообщавшись вдоволь, стали потихоньку расходиться, забирая с собой посуду, одеяла, объедки. Я выразил желание внести и свою лепту в процесс и, аккуратно собрав мусор, прикопал его под ближайшими кустиками. Последними ушли парни. Они сгребли все угольки и золу, оставшиеся после костра, и накрыли их кусочками дерна. Чувствовалось, что они уже имеют немалый опыт отдыха на природе

и, вероятно, слово «турпоход» не вызывает у них дрожи в коленках, как у меня. Таким образом мы устранили все следы нашего пребывания на берегу и побрели назад в поселок. Там мы еще посидели и договорились на следующий день вместе сходить за грибами.

Наутро я проснулся свежим и удивительно бодрым. Этому способствовала радостная мысль, что сегодня – последний день пребывания в этом раю. Хотя в глубине души мне почудилось сожаление от перспективы покидания столь живописных мест, но я решительно подавил это чувство в зародыше. И даже холодный душ не смог испортить мне радостный настрой.

К завтраку подтянулась вчерашняя компания. Все обсуждали варианты маршрута грибной охоты. Наскоро перекусив, мы определились с направлением и отправились по номерам собираться. В комнате я похлопал себя по карманам, проверяя наличие мобильного, кошелька и ножа. Кинул в рюкзак остатки колбасы и недоеденный кусок хлеба, который за два дня превратился в сухарь. Потом вновь спрятал ноут на кровати, замотав одеялом и приговаривая: «Ничего, Ася, уже завтра вечером мы с тобой поработаем, потерпи, малышка...» И, немзыкально насвистывая, отправился к ожидающей меня компании.

Вместе мы скорым шагом двинулись по направлению к знакомому месту на пляже, но, не дойдя до него, свернули направо и углубились в лесную чащу. Она встретила нас по-

лумраком. Кругом валялись сухие ветки и гнилая листва, колючие кусты постоянно преграждали путь и цеплялись за одежду. Побродив так часок и не обнаружив большого скопления съедобных грибов (две найденные мной бледные поганки не в счет), все решили пойти в другое место.

Пройдя по направлению к реке километра два-три, мы вышли из не оправдавшей наших надежд чащи, прошли вдоль нее до деревянного мостика и перебрались на другой берег. Не знаю, на что надеялись бывалые путешественники, но я решительно не понимал, чем один берег может по количеству грибов отличаться от другого. Как выяснилось, я был неправ. Пройдя еще несколько километров, мы очутились в дубовом раю. Деревья-великаны, которые человеку и обхватить не получится, росли намного реже, чем в лесу на той стороне, давая солнечному свету проникать на маленькие уютные полянки, поросшие цветами и высокой травой. Бродя по этому царству природы, мы натыкались на разнообразную грибную дичь, из которой я практически ничего не смог определить, кроме белых грибов и мухоморов.

Так, разбредаясь по дубраве и часто перекликаясь, мы собирали грибы, девушки рвали цветы и сплетали венки, водружая потом эту траву на головы парням. Мне тоже достался венок, по ощущениям, сплетенный из терновника, который я с мужеством носил две минуты, а потом выкинул, когда никто не видел. В общем, время пролетело незаметно, и только бурчание в желудке напомнило, что пора бы и под-

крепиться. Собравшись на одной из полянок, мы привычно расстелили одеяла и стали жевать нехитрые запасы. Я достал свою колбасу, решив не позориться с хлебом, и присовокупил к общаку. Девушки за это одарили меня двумя большими бутербродами с сыром, моей же колбасой и зеленью, которые я с аппетитом сжевал.

После мы разбирали нашу добычу, сортируя грибы по разновидностям и хвастаясь количеством. Я хвастаться не стал, хотя трофеев у меня и было больше всех, поскольку после разбора оказалось, что я собрал почти всю коллекцию ядовитых грибов, растущих в здешних местах. Глядя на то, как специалисты с развернутыми комментариями по названию и последствиям для организма человека откидывают в сторону отраву из моей кучи, я гадал, где мог найти столько гадости. Ведь шел рядом со всеми, а вместо шампиньонов срывал зеленые мухоморы! Вернусь домой, нужно будет срочно поменять очки! После сортировки добычи мой рюкзак значительно полегчал. В нем осталось только полкило белых грибов, выделенных сердобольными девушками, со смехом глядевшими за процессом отбора. Упаковавшись и перебрав грибы, мы решили еще посидеть на полянке, прежде чем возвращаться.

Вечерело. Разговор незаметно свернул на то, что будем делать завтра. Именно тогда я со спокойной душой сообщил, что мой отдых здесь подошел к концу. Все немного расстроились (хотя с чего бы это?) и стали меня уговаривать остать-

ся еще на денек-другой. Я отнекивался, говоря, что отпуск заканчивается, работа ждет, но где-то в глубине души зашевелился червячок сомнения. Однако я решительно раздавил его каблуком и с облегчением подумал о том, что черное пятно в моей жизни закончилось... И что тут же началось следующее! Нет, внешне ничего особенного не произошло, и только впоследствии, вороша воспоминания, я понял, что именно тот момент определил всю мою дальнейшую судьбу.

А все началось безобидно. Просто один из парней, Андрей, заявил, что нельзя уезжать отсюда, не полюбовавшись закатом с той самой горки, которая среди аборигенов имела название Мертвый курган. Это меня сразу насторожило, но ребята и девушки наперебой стали уговаривать забраться на нее. Даже рукой показали, куда именно мне нужно было топтать. Глянув в ту сторону, я увидел далеко за деревьями (километра три, не меньше) одинокую вершину темно-зеленого цвета, слегка возвышавшуюся над кронами.

Нет, разумеется, я стал отказываться, говоря, что и времени не хватит, и название доверия не вызывает. Но мне заявили, что идти до нее не больше получаса, а название – безобидная шутка местных. Но зато ощущения запомнятся на всю жизнь! Перед столь решительным напором я не устоял и махнул рукой:

– Ладно, пошли!

Но тут меня обломали, сказав, что они-то идти никуда не собираются, и топтать придется мне одному, потому что гри-

бы тяжелые, с ними на горку не залезешь, да и вообще, любоваться закатом лучше в одиночестве. Короче, я понял, что все это пахнет гнильцой. Но чтобы не оставлять о себе неприятных впечатлений, решил согласиться для виду, а потом походить по лесу, любуясь природой, вернуться в поселок и рассказать им о «непередаваемых ощущениях». Все заулыбались, думая, что я проникся этой идеей.

Помахав на прощание ручками и еще раз показав направление на горку (как слепому, ей-богу!), они ушли, нагруженные сумками, оставив меня одного на полянке. Тяжело вздохнув, я повернулся в противоположную сторону и неспешным шагом побрел к горе. Нет, забираться на нее я не собирался, просто перестраховался – вдруг кто-нибудь заметит, что я никуда не иду, еще обижаться будут. Пройдя немного и поглазев на окрестности, я присел на поповшуюся по дороге корягу и задумался, как бы убить часок.

Вот так всегда – когда необходимо, время ползет со скоростью дистрофической улитки! Я уже успел прикинуть, что первым делом нужно сделать, вернувшись домой, посчитал мысленно, сколько у меня осталось наличности от зарплаты, и хватит ли ее на новый винт, а время все тянулось и тянулось. И тут моя голова родила идею: а если и в самом деле прогуляться до Мертвого кургана? Эта мысль поначалу показалась мне бредовой, и я отмахнулся от нее. Но она с упрямством бумеранга возвращалась обратно и билась в стенки моего черепа, убеждая последовать совету приятеля.

лей. Вскоре я начал думать, что мысль не так уж плоха – и разомнись, и видом сверху полюбуюсь, и...

Короче, в результате таких размышлений наглая идея заняла все пространство мозга и свесила ножки, искренне убеждая меня в своей гениальности. Тогда я подхватил рюкзак с грибной добычей и двинулся к этому Не Совсем Живому кургану, гадая о том, что же заставило аборигенов так называть горку. Попутно, учитывая свою фантастическую способность ориентироваться, я вспоминал, как идти назад. Так, спуститься с горки, потом прямо до лесной поляны, затем направо к речке, дойти до моста, пройти по течению до вчерашнего пляжа, а там уже – рукой подать! Ребенок – и то не заблудится!

Подбадривая себя таким образом, я приближался к горе. Она оказалась больше, чем я себе представлял – на глаз, метров пятьдесят высотой. Одно радовало, склоны у нее были некрутыми (градусов двадцать-тридцать) и забраться по ним до вершины труда большого не составит. Да, переоценил я маленько свои силы. Как же, не составит! Взбирался я с большим трудом, кряхтя и поминая чертей, которым наверняка в этот момент сильно икалось. Несколько раз пришлось устроить передышку, и когда я наконец добрался до вершины, мои ноги слегка дрожали и настойчиво напоминали о недавнем походе на рынок. В бессилии опустившись на какую-то каменюку, поросшую лишайником, я вытянул их и с блаженством выдохнул. Да-а-а, какой же я все-таки хилак!

Паршивая горка отняла так много сил, что я не обращал внимания на окружающее, а когда поднял взгляд, то обнаружил, что вечер уже вступил в свои права. Солнце садилось, облака розовым туманом зависли над горизонтом. Неспешно наступали сумерки, накрывая лесную чащу у меня под ногами, в вечернем воздухе пахло листвой. Я все сидел и смотрел на окружающее великолепие, с умиротворением в душе наблюдая за медленной сменой небесной палитры. Вскоре она приобрела фиолетовые оттенки и потемнела. Мне пришло в голову, что совсем скоро наступит ночь. Эта мысль меня отрезвила. Мне же еще до поселка добираться черт знает сколько, а я сижу тут, расслабляюсь! Встав и надев рюкзак, я в последний раз окинул взглядом окрестности и тут заметил какой-то интересный блеск чуть ниже по склону, противоположному тому, откуда я пришел. Эта сторона горки была немного круче, и деревья на ней росли только у самого подножия.

Пощурившись на неизвестную блестящую штучку, я решил спуститься и посмотреть, что там. Я ведь уже говорил, что как сорока люблю все блестящее? Так вот и сейчас, даже не раздумывая особо, я стал спускаться по склону. Спуск давался тяжело, земля осыпалась под ногами, но я аккуратно передвигался вниз, держась за хиленькие кустики и приближаясь к вожаденному блеску.

Наконец, спустившись метров на пятнадцать, я подобрался к его источнику. Нечто металлическое выглядывало кра-

ем угла из земли. Утвердившись на склоне двумя ногами, я протянул туда руку, другой держась за мясистый куст лебеды, и с энтузиазмом археолога начал раскапывать находку. Земля осыпалась под моей рукой и я, наконец, смог зацепить за краешек и вытащить предмет, из-за которого спускался сюда. Им оказалась... консервная банка! Нет слов (цензурных) описать мое разочарование! Швырнув ее со злостью вниз, я в расстроенных чувствах ухватился за мясистый кустик и начал подниматься. Но... Хрусь! Кустик оказался у меня в руках, ноги соскользнули по осыпающейся земле и я, наращивая скорость, полетел догонять банку.

Первым делом я шмякнулся лицом о земляной склон, дальше, пытаясь за что-нибудь ухватиться, получил выпирающим камнем в правый бок, после чего меня развернуло, и дальнейший путь я проделал кубарем. По пути лихорадочно начал соображать, что нужно делать в таких ситуациях. Вроде где-то читал совет, что при падениях нужно раскинуть руки и не сопротивляться препятствиям – это вызовет меньшие повреждения. Так как других мыслей в голове не было, я раскинул руки и продолжил кувыркаться. По пути даже успел хихикнуть:

– Пять секунд, полет нормальный!

Приземление оказалось для меня неожиданным. Так вышло, что вниз я летел уже спиной, поэтому в итоге со всей дури шмякнулся на рюкзак, хорошо приложившись затылком обо что-то твердое. Помахав напоследок крылышками,

отчего-то очень похожими на те, что у прокладок, мое сознание упорхнуло прочь.

Глава 4

Хождение по лесу

Когда я пришел в себя, первым желанием было поскорей содохнуть! Дикая боль накатывала волнами и колокольным перезвоном отдавалась в голове. Создавалось такое впечатление, что у меня переломана каждая косточка, да еще и несколько раз. Застонав, я попробовал открыть глаза. Темнота не уходила.

Я ослеп! Эта дикая мысль пронзила мозг, разогнав на мгновение боль. Я лихорадочно ощупал пальцами лицо. Очков нет, ну, это и понятно – как в такой болтанке им было не слететь? Зато глаза были на месте, и по первому ощупыванию – в полном порядке. Проморгавшись, я попробовал еще раз оглядеться. Наконец стали слабо видны черные пятна деревьев, силуэт горы, с которой я совершил свой головокружительный спуск, но дальше темнота уходит отказывалась. Да ведь сейчас глубокая ночь, понял я, луны не видно, поэтому так темно. Успокоившись, я оставил глаза в покое и попробовал подняться. Боль вернулась с новой силой и ударила кувалдой по голове.

Шипя сквозь зубы, я попробовал изменить тактику. Не делая резких движений, я по очереди начал шевелить конечностями и проводить инвентаризацию организма. Так, руки

двигаются нормально, только ладони очень болят, видимо, я их сильно стесал, пока сползал по склону. Ноги вроде тоже в порядке, туловище болит, но пара глубоких вдохов убедили меня, что ребра целы. Настал черед головы. Тщательно ощупав саднившее лицо, я понял, что на нем несколько глубоких царапин и до фига мелких ссадин. Потрогав наиболее пострадавший затылок, я обнаружил, что волосы слиплись от крови, натекашей из большой царапины. Видимо, хорошо я приложился. Вполне мог бы и копыта отбросить, разгонись немного сильнее. Дальнейшее ощупывание никаких вмятин в черепе не показало, и я смог вздохнуть спокойно. Потрогав место приземления, я обнаружил так некстати вылезший из земли небольшой остроконечный камешек, который сильно распорол мне кожу на затылке.

Легко отделался, что и говорить. Судя по итогам осмотра, в плюсе у меня синяки, царапины и, возможно, сотрясение мозга. В минусе – очки и грибы в рюкзаке, которые однозначно превратились в кашу. Вот вроде бы и все. Расклад явно не в мою пользу. Придя к такому выводу, я предпринял еще одну попытку подняться. Она, к моему удивлению, увенчалась успехом. Я даже смог пройти несколько шагов до ближайшего дерева, на которое и оперся. Боль немного отпустила, зато к ней добавилось головокружение и тошнота. Немного поборовшись с последней, я проиграл и вывалил остатки недавнего ужина себе под ноги.

Немного постояв и подождав, пока темный мир переста-

нет возвращаться, я отплевался и нетвердой походкой направился вокруг Мертвого кургана, стремясь вернуться в то место, где начал на него взбираться. Поминутно оступаясь, натываясь на незаметные в темноте корни, кусты и прочую хрень, я пришел к выводу, что ночной лес – не место для прогулок. Особенно для полуслеплого человека – очки-то я искать не стал. Где я их смогу обнаружить в такой темноте?

Так, спотыкаясь и матерясь, я обходил этот проклятый курган. Когда, по моим ощущениям, я прошел половину его окружности, то попробовал определить место, с которого начал восхождение. Ничего из моей затеи не вышло. Либо в темноте это сделать было невозможно, либо я ошибся с местом. Последнюю мысль я отогнал – не такой уж эта горка была большой, чтобы ошибиться. Положившись на свой глазомер, я прикинул расстояние и повернулся туда, где была поляна, усеянная моими ядовитыми трофеями.

Определившись с направлением, я отправился в путь, поминутно спотыкаясь и получая ветками по лицу. Прошагал сначала полчаса, затем еще пятнадцать минут, приняв во внимание свое состояние, затем еще десять на всякий случай... А та полянка все не думала появляться! Я решил, что ошибся на пару градусов, и свернул влево. Пройдя еще немного и ничего не обнаружив, свернул вправо – с тем же результатом. Лес как будто сжался и исключил из своего пространства все полянки, что были днем, оставив только деревья и кусты, которые вцеплялись в мою одежду и царапали

руки.

Побродив еще полчаса взад-вперед и не обнаружив никаких признаков памятной полянки, я понял, что заблудился, и стал прикидывать, что делать дальше. Кричать «ау!» было глупо, бродить в темноте еще глупее (и как же я раньше об этом не догадался-то?!), оставалось только сесть и ждать рассвета. Так я и сделал. Присев возле ближайшего дерева, я сперва всласть поматерился, помянув незлым тихим словом своих советчиков и вообще всех, кого только можно, но очень быстро пресытился этим занятием и стал думать, чем бы еще заняться. Не спать же на голой земле? Сперва я снял с плеч рюкзак. Естественно, вместо грибов там оказалась мокрая каша, которую я брезгливо вывалил на землю. Отряхнув ткань от остатков трофеев и поморщившись от болотного запаха, которым пропитался рюкзак, я пересел под другое дерево. Попутно проверил карманы. В одном из них обнаружил зажигалку и сразу повеселел, во втором – мобильник и полное отсутствие кошелька с оставшейся наличностью.

Матерясь, я вскочил и хотел уже было идти назад к горе, но быстро опомнился и сел. Вот гадство! Придется теперь завтра утром топтать обратно, иначе без денег я из этого райского уголка вообще не выберусь. С такими мыслями я решил соорудить костерок, чтобы стало хоть немного веселее. Побродив поблизости, набрал на ощупь сухих веток, затем, свалив их в кучу, отправился за следующей порцией. Так как поблизости веток уже не было, я отошел подальше. Набрав

полные руки валежника, понял, что не помню, в какой стороне оставил все собранное ранее. Чертыхнувшись, я бросил ветки прямо под ноги и достал зажигалку.

Через несколько минут веселый костерок разгонял ночную тьму. Ориентируясь на него, я набрал побольше сушняка и свалил рядом. Затем уселся на рюкзак и стал смотреть на огонь, изредка подбрасывая ветки. Через десяток минут решил, что в лежачем положении мне будет значительно удобнее, и прилег у костра, свернувшись калачиком.

«До рассвета еще несколько часов», – успел подумать я и погрузился в вязкий черный сон без сновидений.

Проснувшись от того, что отлежал себе весь бок, я встал и принялся растирать занемевшие части тела. Нет, все-таки сон на голой земле никакой пользы организму принести не может, подумал я и огляделся. Светало, костер уже давно прогорел, пришлось зажигать новый. Вскоре последние сухие ветки, найденные ночью, потрескивали и источали приятное тепло. Я сидел рядом с костром и пытался прогнать сонливость, что все еще грозила закрыть мои глаза.

А вокруг пробуждалась природа. Легкий белесый туман наполнял лесную чашу, темнота все больше и больше отступала, сквозь просветы в кронах деревьев стало видно небо, светлеющее на глазах. К тому моменту, когда костер догорел, вокруг было совсем светло. Вспомнив о своем вчерашнем решении вернуться и найти кошелек на злополучной горе, я посмотрел по сторонам. К сожалению, деревья стояли слиш-

ком плотно друг к другу, и за их ветвями Мертвый курган, на котором осталась вся моя наличность, не обнаруживался. Тогда я походил немного по округе, выбрал дерево повыше и поразлапистее и с трудом на него забрался.

Первое, что я увидел, было солнце. Улыбнувшись ласковым прикосновениям его лучей, я тут же скривился от боли в расцарапанном лице, враз лишившей меня мечтательного настроения. Посмотрев-пощурившись во все стороны, искомую горку я не обнаружил. Кругом, куда ни кинь взгляд, были кроны деревьев, сплошным ковром с весьма редкими прорехами уходящие за горизонт. Этот вид поверг меня в глубокую депрессию. Спускался с дерева я гораздо медленнее, чем поднимался, но все равно приобрел царапину на ноге и разорванную штанину. Но это было ерундой по сравнению с тем, что я не знал, куда мне идти!

Когда первый шок от понимания этого факта прошел, я сгенерировал блестящую идею – идти нужно к солнцу. Если вечером я шел на запад, смотреть на уходящее солнце, то теперь мне нужно идти на восток! А там уже выйду куда-нибудь. Ведь тут поселок близко, и город от него в трех часах ходьбы, я точно не должен промахнуться! Да и, кроме того, не в пустыне живем. Тут на каждом шагу если не город, то какая-нибудь деревенька, и этот заповедный лес не может тянуться бесконечно. Так что буду идти к солнцу, а там к обеду или максимум к вечеру буду в поселке. А с кошельком придется разбираться позже. Вряд ли его успеет подобрать

какой-нибудь грибник.

Поставив перед собой цель, я повеселел и бодрым шагом отправился на восток. Самочувствие мое было немного лучше, чем вчера. Мир уже не кружился, и рвать больше не тянуло. Сильно стягивало кожу лица, и я смочил слюной краешек рубашки и кое-как оттер с него грязь и засохшую кровь. Затылок трогать не стал, только осторожно ощупал. Рана там больше не кровоточила, но волосы основательно слиплись и засохли. Поморщившись, я решил после всего этого пойти к врачу и сделать томограмму мозга, а то мало ли чего. Приложился ведь я здорово.

Солнце все поднималось и поднималось, заливая ярким светом все вокруг, а я все шел и шел... Огибал деревья, перешагивал через корни, которые замечал, спотыкался о те, которых не видел, продирался сквозь кусты, оставляя на них куски одежды, и машинально отмечал, что солнце довольно сильно припекает мне макушку... Макушку? Я же навстречу ему иду! Неужели я протопал уже столько времени, что не заметил, как наступил полдень?

Остановившись, я принялся озираться. Все указывало на то, что день в разгаре, а гудевшие ноги намекали на необходимость привала. Вняв их настойчивым мольбам, я решил немножко отдохнуть и присесть на что-нибудь. Но перед этим, чтобы не запутаться, носком кроссовки начертил на земле стрелку, указывающую направление моего движения. А то еще примусь ходить кругами, вообще весело по-

лучится. Удовлетворенно посмотрев на указатель, я присел под ближайшим деревом и вытянул ноги.

Блаженство отдыха прервал желудок, настойчиво требовавший что-то в него опустить. Немного поразмыслив над тем, где бы достать пропитание, я вспомнил, что в кармане рюкзака еще остался хлеб. Я немедленно извлек на свет этот сухарь, очистил от налипшего на него мусора и с удовольствием съел. Желудок немного успокоился, но вскоре обнаглел и потребовал добавки. Мысленно велев ему заткнуться, я продолжил наслаждаться отдыхом, осматривая окружающее.

Хорошо тут! Это даже я со своими минус восемь отметил. Трава под ногами зеленая и густая, деревья, весело шевелящие листвой, на редкость большие. Причем настолько, что один ствол даже трем людям обхватить будет сложно. Я внимательно присмотрелся к дереву, у которого сидел. Это был Великан! Могучий дуб (а может и не дуб, я в деревьях слабо разбираюсь, да и желудей поблизости не валялось) с громадными корнями, вылезавшими из земли, и раскидистой кроной, дававшей густую тень, возвышался над маленьким мной. Даже стало приятно, что у нас в стране еще сохранились такие вот нетронутые уголки природы, где растут подобные гиганты. С этими мыслями я рассматривал дерево и стоящих рядом его собратьев, по своим размерам немногим ему уступавших.

Передохнув, я со вздохом поднялся, бросил взгляд на

стрелку и пошел дальше. Солнце все так же светило мне в макушку, но уже начало потихоньку греть и затылок, видно, долгенько я любовался деревьями... Решив наверстать упущенное, я ускорил шаг, стремясь побыстрее выйти к цивилизации, однако та появляться что-то не спешила. Наоборот, местность вокруг все больше дичала, попадались буераки и буреломы, которые приходилось обходить. Деревья вокруг постепенно мельчали, и стало попадаться все больше кустов. Через некоторые, с большими и длинными колючками, я даже не отважился продираться. Пары их укулов мне было вполне достаточно, чтобы найти обходной путь.

Время летело незаметно. Солнце теперь вовсю грело мой затылок, а потом постепенно начало опускаться все ниже, готовясь спрятаться за кронами деревьев. Хотелось пить, и я стал приглядываться к кустам, надеясь найти малину или нечто подобное. Но никакой малины не было. Мучивший меня сушняк стал совсем неумолим, и я больше думать не мог ни о чем другом, кроме как о кружечке холодного пива.

Начало вечереть, подул прохладный ветерок. Я шел, мучимый жаждой, размеренно переставляя налитые свинцом ноги, а признаки цивилизации все не думали появляться. Неожиданно ветерок донес до меня тихое журчание, и вскоре я вышел на полянку, поросшую травой высотой мне по пояс. Посередине высилось нагромождение камней в человеческий рост. Журчание шло именно оттуда. Подойдя ближе, я обнаружил отлично устроенный родник. Это строение бы-

ло явно искусственного происхождения – все камни скреплены каким-то раствором, а на одной стороне аккуратно уложена гранитная глыба с выемкой посередине. Вода текла по камням с самой вершины насыпи, журчащей струйкой падая в эту выемку, а затем выливалась по специальному желобку куда-то в глубь каменного основания.

Наклонившись над родником, я зачерпнул полные ладони... Еще никогда обычная вода не казалась мне такой вкусной! Нет, воистину, мы не умеем замечать те мелочи, которые в обычной жизни достаются нам без труда. И только когда они исчезают, понимаем их настоящую ценность.

Напившись, я принялся умываться и промывать свои царапины. Особенно тщательно обработал рану на затылке, используя для этого все тот же уголок рубашки. После этого опять начал пить и остановился, только почувствовав, что у меня вот-вот потечет из ушей. Окинув подслеповатым взглядом камни, я наткнулся на маленькую нишу на краю гранитной плиты. В нише что-то было. Протянув туда руку, я нащупал нечто твердое. находка оказалась деревянной кружкой, потемневшей от времени и разукрашенной затейливой резьбой. Поднеся ее поближе к глазам, я с восхищением стал рассматривать творение неизвестного резчика. На одной стороне было изображено переплетение трав в причудливом узоре, где выделялись большие цветы, похожие на тюльпаны, а на другой...

Громкое шипение отвлекло меня от изучения этого образ-

да народного творчества. Повернув голову, я увидел большого рыжего кота, сидевшего на ветке. Кот внимательно смотрел на меня и шипел.

– Рыжий, ты? – удивился я, но тут же опомнился.

Этот кот был похож на Рыжего только цветом шерсти. Он был значительно крупнее и не таким толстым.

– Ну чего шипишь? – спросил я. – Если пить хочешь, так иди и напейся, чего меня прогонять-то?

Ответив коту, я вернулся к осмотру находки. На другом ее боку был изображен молодой парень, пьющий воду из кружки. Причем довольно детально изображен, я даже удивился мастерству резчика. Такой талантище! Все мелкие детали видны, как травы и цветов, так и парня. Я поднес кружку к самому носу и понял, что мне не показалось. Это был эльф! Ушки длинные, кинжал на боку, лук за спиной виднеется. Мастер-резчик, видимо, увлекался фэнтези, раз такие образы использовал в своих работах.

Внезапно что-то проскочило мимо меня, и на каменную глыбу одним гибким движением выскочил кот. Да что там кот – самый настоящий котяра! При ближайшем рассмотрении он оказался просто огромным – целые полтора метра, если считать от головы до задних лап. Посмотрев на меня вызывающе, он снова зашипел. Оценив размер его зубов, выглядывающих из оскаленной пасти, когтей, высунувшихся из лап, и воинственно поднятого хвоста, я почувствовал легкий страх, но все же нашел в себе смелость тихо проборо-

мотать, глядя ему в глаза:

– Ты меня не трогаешь, и я тебя не трону. Идет?

Странно, но кот в ответ на это перестал шипеть. Посмотрев на меня внимательно еще несколько секунд, он втянул когти в лапы и, мягко наклонившись вперед, принялся лакать воду из родника. Я наблюдал за ним, машинально отмечая, что таких зверей точно не может быть в наших лесах. Расцветка леопарда, высоко торчащие уши кролика, зубы – длинные и острые – выпирают из пасти. А хвост львиный, с кисточкой на конце, раза в полтора длиннее тела.

Рассматривая странное создание, я протянул руку и поставил кружку на ее законное место в нишу. Кот перестал лакать и опять уставился на меня.

– Давай, братишка, – успокаивающе сказал я. – Не дай себе засохнуть!

Кот вернулся к своему занятию, а я очень осторожно, стараясь не делать резких движений, пошел прочь. Вдруг после того, как он напьется, ему захочется перекусить? А ужином такой зверюге я становиться вовсе не собирался. На краю поляны я обернулся. Кот уже напился и внимательно наблюдал за мной.

– Пока, котяра, – сказал я ему. – Извини, я невкусный, так что ищи другого себе на ужин.

Кот фыркнул (ну прямо как Рыжий) и мягко скользнул в траву, а всего через мгновение уже сидел на той ветке, где я его впервые увидел. Оглянувшись на меня в последний раз,

он прыгнул и исчез в чаще.

Я продолжил свой путь, размышляя, куда же это меня занесла нелегкая. И народные умельцы тут фэнтези читают, и коты дикие бродят, и дубы в три обхвата попадаются местами. Дивный наш край, всех чудес твоих не пересмотреть! И хотя где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что это и не наш край вовсе, но я выплеснул на нее ведро здорового скептицизма, и она благополучно смылась.

Прошагав еще полчаса от родника с живой водой, я набрел на тропинку, местами заросшую травой. По ней и направился, думая о том, что скоро на лес опустятся сумерки, а я так все еще никуда не пришел. Тропинка была ровной, шагать было легко – совсем не то что продираяться через кусты, поэтому я даже насвистывать начал, не обращая внимания на то, что вокруг становится все темнее. И тут из кустов вышел человек. Я сначала даже и не понял, что это за препятствие появилось у меня на пути, но затем меня охватила радость. Наконец мои мучения подойдут к концу! Я кинулся к нему, крича:

– Здравствуйте! Наконец я хоть кого-то нашел! Я тут по глупости заплутал маленько, не подскажите, как до города добраться?

Выпалив все это на одном дыхании, я подбежал к нему, но тот вдруг отпрыгнул назад, неуловимым движением выхватив из-за спины лук. Набросив на него стрелу, неизвестно как появившуюся в руке, он натянул тетиву и навел стре-

ду мне в лицо! Я моментально заткнулся и только теперь повнимательнее рассмотрел этого человека... Нет, скорее нечеловека, так как остроконечные уши вкупе с длинными волосами, собранными на затылке в пучок, не заставляли сомневаться в его принадлежности к эльфам.

Пока я с раскрытым ртом разглядывал этого представителя фэнтези, он что-то коротко пропел. Я непонимающе поднял брови. Эльф пропел еще раз, но уже угрожающе, а выражение лица у него стало очень злым.

– Не понимаю! – решил объяснить я этому певцу и тут услышал тихий шорох за спиной.

Я не успел обернуться, как по затылку мне врезали чем-то тяжелым. И в который раз за неполные сутки меня поглотила тьма...

Глава 5

Нарушитель

Когда я очнулся, то понял, что раздет догола. Я подергал руками, стянутыми за спиной веревкой, но это мало что дало. Веревка оказалась тонкой и крепкой и рваться отказывалась. Оставив бесплодные попытки, я огляделся. Маленькое помещение с трудом различалось в сумраке, разгоняемом лишь полоской света, пробивавшейся из-под двери. Что это – подвал или сарай? Подумав об этом, я вдруг почувствовал сильное желание облегчиться. Выпитая вода рьяно просилась наружу. Я, с кряхтением поднявшись (хорошо, что хоть ноги не связали, сволочи), подошел к двери и крикнул:

– Эй, вы, там! Мне отлить хочется! Лю-уди... тьфу ты!... Эльфы, не мучайте человека, отведите в туалет!

Не получив никакого отклика на свои вопли, я понял, что еще немного – и лопну, а потому, отбросив всякий стыд, просто присел у ближайшей стены и с наслаждением стал облегчаться, ловя неземной кайф. Закончив это мокрое дело, я направился к другой стене и уселся под ней, думая, какой бы позор был, не раздень меня мои похитители.

А дальше потекли минуты ожидания. К пленнику никто не торопился, поэтому у меня была масса времени поразмышлять. Итак, что же произошло? Вариант первый – по-

бродив кругами ночью, я полностью потерял ориентировку и умудрился пройти мимо города или вообще пошел в противоположном направлении, а затем наткнулся в лесу на ролевиков, которым срочно понадобился для изображения пленника. Приемлемо. Убивать они меня точно не будут, а фэнтези я тоже с удовольствием читаю, так что можно будет убедить их поиграть вместе и доставить «посланника людей к лесным братьям» в ближайший населенный пункт. Хмыкнув, я подумал, что для ролевиков они чересчур заигрались. Нет, взять в плен можно, но зачем сразу по голове бить?

Вариант второй – стараниями неизвестных зеленых человечков организован мой перенос в другое пространство (время, планету, искусственный мир – на выбор) в качестве эксперимента над представителем землян. Ну, это полный бред. В пришельцев я никогда не верил и полагал, что даже если они где-нибудь и существуют, на нашу зачуханную планетку им наплевать с высокой орбиты.

Следующий вариант – я угодил в тщательно замаскированный межпространственный портал, или телепорт, или суперпупермежзвездные врата... Короче, в некое находящееся в нашем лесу устройство для перемещения в другие миры. И оказался на другой планете. Настораживает только одно – как же я его мог не заметить, а главное – не ощутить сам факт переноса куда-либо? Но это уже мелочи. Что ж, тоже неплохо. Теперь осталось только договориться с аборигенами, чтобы те аккуратно проводили пришельца до этого са-

мого устройства и отправили обратно домой, дав ласкового пенделя и попросив больше у них не появляться.

Ну и последний вариант, который приходит на ум, – я нахожусь у себя в подсознании, или снах, короче – в иллюзорном пространстве, созданном мной самим. Это произошло потому, что я слишком сильно ударился головой и в данный момент в реальном мире нахожусь без сознания у подножия той горы. Это был самый правдоподобный вариант, который объяснял все, но его я решил не рассматривать ввиду полной бесперспективности.

Пошевелив руками и отметив, что они стали затекать, я услышал приближающиеся шаги за дверью и тихое пение. Хотя, может, и не пение – вдруг это у них язык такой певучий, появившийся в ходе отбора, когда на протяжении веков всех немзыкальных мальчиков сбрасывали в пропасть? Голоса затихли, а потом раздался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. На пороге стояли два эльфа (раз ушастые, пусть будут эльфами, как же их еще называть?), а за ними маячил третий, со светильником в руке. У всех имелось оружие – кинжалы на боку, а у первого, что постарше, был еще деревянный посох. Его я также посчитал оружием, ведь им можно хорошенько врезать беззащитному мне. У второго из-за спины выглядывали рукояти клинков. Два эльфа зашли в комнату, а третий, поставив светильник на землю у порога, закрыл за ними дверь, оставшись снаружи.

Я постарался выдать самую очаровательную улыбку из

своего арсенала и дружелюбно сказал:

– Приветствую славных представителей лесного народа!

Оба эльфа презрительно посмотрели на меня, а старший, обведя глазами комнату, заметил мокрую землю у стены и брезгливо поморщился.

– А нехрен было взаперти столько держать, – с той же дружелюбной интонацией сказал я. – Я же не железный... И вообще, вам еще повезло, что я весь день почти ничего не ел, а то мог бы запросто выдать еще один приятный сюрприз.

Эльфы на мою тираду не обратили внимания и стали общаться между собой, причем старший, кивая на меня, явно приказывал младшему что-то сделать, а тот упирался. Видимо, то, чего хотел его собрат, ему совсем не нравилось. Наконец старший эльф что-то отрывисто сказал и замолчал. Приказал, понял я: сделай, и никаких гвоздей! Младший посмурнел и медленно присел передо мной на корточки. Старший тоже подошел и встал рядом. Младший, все еще надеясь отмазаться, что-то спросил, но ему был дан резкий короткий ответ, и я понял – сейчас что-то будет.

Мне стало страшно. Неужели пытаться начнут... или насиловать? И еще неизвестно, что для меня будет хуже! Я попытался отползти от эльфа, но уперся спиной в стену и подался в сторону. Ушастый схватил меня за голову и приблизил к своей, глядя мне прямо в глаза. Зрачки эльфа расширились и заняли почти всю радужку, губы сжались. Я почувствовал какое-то давление на мозг и понял, что начался сеанс прак-

тического гипноза. Так как быть подопытным для этого замороженного экстрасенса не входило в мои планы, я дернулся, попытавшись вырваться. Но руки эльфа крепко держали мою голову, а за попытку освободиться я больно получил посохом по бедру от старшего эльфа. Еще пара рывков ничего не принесла, кроме боли от посоха – старший бил все сильнее.

Поняв, что насилия не избежать, я решил расслабиться и, согласно очень умному совету, постараться получить хоть какое-то удовольствие от процесса. Глядя в глаза эльфу, я внезапно отчетливо услышал голос в своей голове, который бубнил:

– О-орнуку-умна... о-орнуку-умна... о-орнуку-умна...

Я почувствовал, что впадаю в какое-то оцепенение, а от глаз эльфа к моим начинает струиться некая сизая дымка, втягиваясь мне под лоб.

«Ничего себе! – подумал я. – Уже и глюки пошли...»

Дымка все текла, подобно ручейку, заползая, по моим ощущениям, прямо в мозг. А голос не переставал бубнить:

– ...о-орнуку-умна... подчинись... подчинись...

«Да я же понимаю его!» – удивился я в какой-то момент.

Значит, то, что я обозвал дымкой, является знанием языка, которое он мне записывает непосредственно в память, копируя из своей головы! Вот это номер! Теперь уже точно придется отбросить все варианты с ролевиками, так как, несмотря на все их старания, они такое вряд ли умеют. По-

этому я уже и не думал сопротивляться, мимоходом решая: что же делать дальше? Аборигены настроены не больно дружелюбно, и как же уговорить их вернуть меня назад или хотя бы рассказать, как это сделать?

И тут у меня по спине пробежали холодные мурашки от нехорошей мысли: а если возвращение моей тушки домой в их планы не входит? Ведь аборигенам значительно проще убить пришельца. Как говорится, нет человека – закопай труп и живи себе спокойно! А я тут сижу и все продолжаю надеяться на лучшее...

Голос сменил интонации и продолжил бубнить:

– Хорошо... хорошо...

Глядя в расширенные зрачки эльфа, я чувствовал, что мой мозг начинает зудеть, усваивая передаваемую информацию. Однако почесать его было невозможно по понятным причинам, и очень скоро это зудение в голове превратилось в изошренную пытку. Мучаясь от неприятного ощущения, я попробовал мысленно потянуть дымку на себя. И мне это удалось. Сизая дымка стала сочиться все сильнее и сильнее, а я старался еще быстрее втягивать ее в мозг. Голос в моей голове недоуменно-испуганно воскликнул:

– Что?

Но я все продолжал тянуть и тянуть в себя эту субстанцию, чувствуя облегчение от того, что зуд в мозгу стал стихать, а вместо него в голове разлилось приятное тепло. А если попробовать тянуть еще быстрее? Я направил все свои

усилия на то, чтобы расширить речку, текущую из глаз эльфа, и начал пить ее, погружая себе в мозг. Вначале я почувствовал слабое сопротивление, как будто что-то мешало мне, какая-то непонятная заслонка. Но я мысленно подобрался и рванул ее на себя. Голос в моей голове истошно завопил, а на меня рухнул поток информации. Я пил его, стараясь впитать все до капли, захлебывался в нем, тонул и выныривал, в моем мозгу ревело пламя, разгоняя темноту бессознательности, которая пыталась облегчить мои муки... Внезапно поток иссяк. Я сидел, глядя в расширенные зрачки эльфа, и чувствовал, что голова превратилась в огненный шар, а по щекам текут слезы.

Из ступора меня вывел болезненный удар, опрокинувший меня на бок. Тяжело дыша, я лежал на земле и думал, что еще немного, и моя голова просто взорвется!

– Лавиниэль! – донесся до меня сквозь дикую боль голос старшего эльфа. – Лавиниэль, очнись!.. Проклятье!

Я со стоном повернул голову и увидел, что старший эльф трясет того, что сидел рядом со мной, за плечи. Лавиниэль никак не реагировал на тряску, и более того, когда старший отпустил его, рухнул рядом со мной. В недоумении я глянул в его глаза – они были широко раскрыты, а на лице застыла гримаса ужаса. Эльф был мертв.

– Это ты виноват в его смерти! – обреченно произнес старший.

Его рука с силой сжала посох.

– Зря мы не поверили старейшине! – Его голос угрожающе зазвенел. – Надо было сразу убить тебя!

И он принялся избивать меня посохом. Поначалу я пытался увернуться, катаясь по полу, но удар по голове прекратил мои метания, выбив сознание прочь...

Однако я не погрузился в беспамятство, не нырнул в темноту. Вместо этого я ощутил себя сидящим на корточках в окружении эльфийской малышни и с восхищением слушающим учителя.

– А сейчас вы будете учиться магии леса...

– Наконец-то! – воскликнул я.

Учитель сурово на меня посмотрел, отчего я стушевался и потупил взор.

– Лавиниэль, сколько раз я тебе говорил, что перебивать старших нельзя! Это большое неуважение, оно показывает тебя невоспитанным и непочтительным мальчишкой. Ты ведь не такой?

– Нет, учитель, – ответил я, чувствуя, как краска заливает кончики ушей. Отчего-то, когда мне стыдно, уши всегда первыми на это реагируют, и я ничего не могу с этим поделать. И даже когда я, подражая старшим, хочу казаться бесстрастным, уши все равно выдают меня.

Учитель вздохнул и продолжил:

– Этого я пока не вижу. Ты наказан, будешь молчать до конца урока!

– Хорошо, учитель, – с готовностью откликнулся я.

– Лавиниэль!

Я в испуге зажал рот рукой под смешки окружающих, но буря прошла стороной, и учитель, еще раз гневно на меня глянув, продолжил урок:

– Так, на чем это мы остановились?.. Магия леса есть явление хорошо изученное и понятное нам, его обитателям. Вот уже многие тысячелетия наши предки умеют находить общий язык с растениями и сотрудничать с ними, живя в равновесии с окружающим миром. Вы будете под моим контролем учиться развивать тот дар, который дремлет в каждом из вас. Да-да, Лавиниэль, в каждом! Ты, к сожалению, не исключение, а потому будешь еще довольно долгое время ходить ко мне, пока я не решу, что ты развил свой дар достаточно для светлого эльфа.

Я на такие слова только и сумел, что вжать голову в плечи под ехидными смешками приятелей и понять, что свободного времени мне в ближайшем будущем не видать, как своих ушей.

– Лесная магия, – продолжал тем временем учитель, – это особый вид энергии, который рождается в природе и в ее живых обитателях. Это та сила, которая может постепенно накапливаться в нас, исходя от растений, деревьев и земли, а потом наполнять жизнью наши желания. Конечно, это я говорю, сильно упрощая и делая для вас понятнее. Но дальше мы будем с вами подробно рассматривать, как она возникает, попадает в наше тело и, подчиняясь нашей воле, позво-

ляет нам влиять на растения и предметы. Сначала вы будете учиться концентрации духа, затем овладению возможностью собирать и высвободить эту энергию из своего тела, а после долгих и упорных занятий вам, может быть, удастся и такое...

Учитель провел рукой над землей, и мы увидели неяркое свечение, исходящее из его ладони. Затем земля вспучилась, и из нее буквально вырвался на свободу зеленый побег, под нашими восхищенными взглядами превращаясь в дивный цветок...

перемотка

Я стою напротив мастера. Он сам так приказал мне себя называть, когда взялся обучать владению своим телом и умению двигаться с оружием.

«Запомни, Лавиниэль, – говаривал он. – Если ты не научишься в совершенстве владеть своим телом, ты не сможешь жить в лесу. А если ты не научишься двигаться с оружием... да-да! Не сражаться, не махать им, а именно двигаться, став с ним единым целым, ты не сможешь защитить свой лес от захватчиков».

В своих руках я вижу длинную гибкую палку, в руках мастера такая же.

– Начнем, – произносит мастер и делает длинный выпад.

Я уворачиваюсь, изгибаясь назад, а затем тут же бросаюсь вбок, уже в достаточной мере изучив привычки учителя. И точно – там, где я мгновение назад находился, со свистом проносится палка. Я машу своей в ответ, но, небрежно от-

махиваясь, мастер атакует снова. Уходя в защиту, я подставляю палку под удары, но оружие учителя словно превращается в гибкую змею, наносящую мне болезненные укусы и не замечающую моих попыток уклониться. Наконец один особенно сильный удар я получаю под коленку и падаю на землю. Палка мастера замирает напротив моего лица.

– Сегодня ты движешься, как беременный барсук! А ну-ка вставай, бездельник!..

перемотка

Я стою в недоумении, с книгой в руках. Сегодня я решил нарушить запрет учителя, разрешившего мне пользоваться своей библиотекой. Я взял книгу из закрытого шкафчика! Это была книга о магии. Обычной магии. Не магии леса, которую мы все прилежно пытались приручить, а той, которая доступна одаренным людям, темным эльфам и многим другим расам, населяющим наш необъятный мир. Причем, как было написано в книге, необразованные завистливые индивиды называли эту магию черной. Но, прочитав несколько первых глав, я искренне недоумевал, как такое возможно.

В книге было написано, что важно только лишь уметь направлять и концентрировать энергию, а от того, насколько тебе это удастся, зависит масштаб магических операций, которые тебе подвластны. Ведь собирание энергии для любого существа – простое действие, достигаемое частыми тренировками при медитациях. Нас такому не учили! Мы на занятиях по магии все время старались применять ту силу, что

скапливалась в наших телах на протяжении дня, и даже не пытались взять ее насильно из окружающей природы.

Эта книга за несколько минут перевернула все мое представление о магии. Ведь там просто говорилось о том, что энергия, которая используется нами для магических действий, содержится не только в растениях и животных, ей просто пронизан весь наш мир! Она находится везде – в воде, земле, огне и воздухе (такая называется стихийной), в телах и душах людей (такая названа в книге магией веры), а наша магия там вообще обозвана магией жизни, что просто странно – мы же не творим жизнь, а только пытаемся менять ее. А тут еще написано про особый вид магии – магию смерти...

Тень нависает надо мной. Я поднимаю голову и вижу учителя. Его глаза в ужасе расширены, а губы уже раскрываются для гневного крика. Мне конец! За такой проступок могут не только наказать, но и вообще изгнать из селения. Но внезапно я понял, что у меня все же есть шанс оправдаться.

– Ты!.. – начал учитель, но я не дал ему больше сказать ни слова.

– Почему?! – воскликнул я. – Скажите, почему вы не рассказывали нам об этом все те годы, что мы потратили на попытки управлять растениями и животными? Почему мы занимались какой-то ерундой, вместо того чтобы учиться настоящей магии, которая настолько проще, что ей могут овладеть даже люди?!

Мне показалось, что из учителя выдернули какой-то стержень. Он сгорбился, закрыл рот и как-то разом постарел. Глянув на меня устало, он подошел к столу, затем легким взмахом ладони переместил плетеное кресло от дальней стены поближе к себе и щелчком пальцев зажег еще несколько светильников в комнате. Я наблюдал за всем этим, широко раскрыв рот. Вот это настоящая магия! Учитель тоже читал книгу, понял я, иначе он бы не смог это все проделать – ведь даже нам он рассказывал, что для того, чтобы сдвинуть такой большой неживой предмет, нужно энергии гораздо больше, чем может поместиться в теле эльфа... Но тогда почему? Вопрос этот бился в моей голове, словно птица в клетке.

Учитель, усевшись в свое кресло, вздохнул еще раз, а затем внимательно посмотрел на меня. Под его взглядом мне захотелось съежиться, но отступать было некуда, поэтому я не отвел глаза. Первым сдался учитель. Его взгляд перестал быть колючим. Одно небрежное шевеление кистью, и книга бабочкой выпорхнула у меня из рук и опустилась учителю на колени.

– А все потому... – учитель машинально погладил корешок, – что старейшины боятся новой войны...

– Войны? Но почему? – вырвалось у меня.

– Ты опять перебиваешь старших, – с грустью заметил маг, но продолжил: – Потому что только представь, что было бы, если бы каждый эльф вдруг почувствовал себя всемогущим.

Я удивился:

– Ну и что в этом плохого?

– Не понимаешь, – констатировал учитель. – Ну, тогда я объясню тебе подробнее. Представь, что каждый эльф вдруг получил возможность делать все, что захочет, и стал осуществлять свои желания, не считаясь с мнением других, не признавая никаких ограничений, ни физических, ни моральных. Хорошо было бы? Не отвечай, я знаю, о чем ты думаешь. Да, если будут исполняться все твои желания, конечно, тебе будет хорошо. А окружающим тебя сородичам? Ведь вряд ли твои желания будут совпадать с желаниями окружающих, а значит – неизбежны ссоры, драки, причем не на жизнь, а на смерть, вы же всемогущи! Другой вариант: ты стал всемогущим, но живешь правильно, соблюдая все законы. Но все окружающие тебя эльфы также стали безгранично сильны, а нормы морали соблюдать отказываются. И ты, как законопослушный эльф, начинаешь усмирять непокорных, живущих не по законам, а по желаниям. Или же, подумав о том, что законы несовершенны, начнешь устанавливать свои порядки, с которыми другие будут не согласны. И опять – ссоры, драки, кровь, смерть... Представил?

В моей голове нарисовалась довольно мрачная картинка. Да, действительно, всем быть всемогущими – это плохо. Другое дело, если только мне одному... Но по моей кислой физиономии учитель понял лишь то, что я осознал все перспективы.

– Да, я вижу, что ты все понял. Такое когда-то давно уже было с нашим народом. Предания гласят, что, овладев сильной магией, эльфы после кровопролитной братоубийственной войны разделились на темных и светлых. Темные продолжали изучать магию, становясь все сильнее, и тогда светлые были вынуждены уйти в леса, где и остались, постигая свою магию – магию природы. Однако некоторые из нас передают из поколения в поколение секреты изначальной магии, чтобы, овладев ими, тайно нести на себе тяжкое бремя защитника лесного народа.

– Но почему бы просто не уничтожить все знания? Зачем их потом изучать, если это считается плохим? – спросил я.

– Потому что кто-то из нас должен владеть знаниями, чтобы иметь возможность противостоять захватчикам, когда те придут на наши земли. Ведь если захватчики будут сильными магами, им не будут страшны ни наши мечи, ни наши стрелы.

Я глубоко задумался. Действительно, такой довод оправдывает все. Но тогда получается несправедливо: кто-то имеет больше просто потому, что ему повезло. И как, интересно, определяют у нас, кому доверить груз знаний? Я поднял глаза на учителя. Но тот неверно истолковал его.

– Наверное, ты думаешь, что будет теперь с тобой?

Я решил кивнуть, так как об этом мне тоже было интересно узнать.

– Я поговорю со старейшинами на общем совете. Там мы

и решим твою судьбу...

перемотка

Я стою на поляне, тяжело дыша, но радуясь. Получилось! У меня получилось выиграть схватку у мастера. В резком перекате я все же сумел стопой выбить шест из его рук! С тех пор как мы с учителем начали вплотную заниматься магией, мои успехи в тренировках резко возросли, на радость мастеру и на зависть всем остальным. А мне всего лишь нужно было несколько раз перед тренировками помедитировать, чтобы активизировать одно хитрое магическое плетение, направленное на ускоренное восприятие и запоминание. И теперь во время боя я улавливаю малейшие движения мастера, реагируя на них, когда они только начинаются, и, конечно, запоминаю их, а затем сам в одиночестве пытаюсь повторить. Такое сочетание магии и изнурительных упражнений дало поразительный результат – всего месяц понадобился мне, чтобы сравняться с одним из лучших воинов нашего народа.

– Рано радуешься, ученик! – спустил меня с небес на землю голос мастера. – С сегодняшнего дня добавим тренировки на клинках!

– Благодарю, мастер! – вежливо поклонился я. – Буду только рад.

Первое, что я усвоил, узнав о настоящей магии, это жизненную необходимость всегда носить маску примерного, законопослушного, образцового эльфа, причем так, чтобы у

окружающих не возникло и тени сомнения в твоей искренности. Это я понял еще на совете старейшин, куда меня пригласили для того, чтобы объявить о необходимости моего изгнания. Мне лишь чудом удалось убедить этих замшелых стариков, что я прямо горю желанием защищать весь наш народ от различных захватчиков, которые вскоре попытаются занять наши леса. С глубоким сомнением выслушав меня, старейшины долго совещались, глядели в мои совершенно искренние очи и все же решили допустить меня к изучению тайного знания магии под присмотром моего учителя. С той поры прежний шепутной и задорный Лавиниэль, выходки которого неизменно повергали взрослых в ступор, безвременно почил на задворках моего сознания, а на смену ему родился образец идеально правильного во всех отношениях эльфа.

Ничего, уговаривал я себя, нужно потерпеть еще несколько лет, изучить все возможности правильной магии, искусства боя, а затем можно покинуть это загнивающее общество и отправиться в большой мир. Ну а пока следует старательно впитывать все знания, что дают, и просить добавки. Пусть видят во мне только прилежного ученика и ничего более.

Еще раз поклонившись, я положил шест и, провожаемый завистливыми взглядами сверстников, отправился прочь с тренировочной полянки. Так, сейчас у меня работа в саду, затем уроки учителя, а после нужно...

перемотка

Я под присмотром учителя пытаюсь превратить разлитую на полу воду в ледяной клинок. Несколько неудачных попыток приводят лишь к тому, что вода замерзает, не принимая нужной мне формы.

– Ничего, старайся, – ободряюще говорит мне учитель, опираясь о посох. За последние годы он сильно сдал, но держался еще уверенно. – У тебя должно получиться.

Неясный шум отвлек меня, и вода, под моим взглядом начав принимать форму клинка, лужицей растеклась по полу.

– Что там такое? – озвучил мои мысли учитель и подошел к окну. – Неужели нарушитель? – некоторое время спустя пробормотал он.

Я искренне удивился. Проникновение постороннего в наш лес в последний раз случилось больше десяти лет назад, когда я был еще совсем ребенком. Неужели снова? Я подошел к окну и встал позади учителя.

На улице все нарастал гул голосов, и вскоре появились несколько десятков эльфов, сопровождавших двоих дозорных, что ушли сегодня утром проверять границу со стороны Гномьих гор. Дозорные несли на плечах длинную палку, на которой болталось тело нарушителя.

– Так, – решительно сказал учитель. – Сиди здесь и занимайся, а я пойду узнаю, что случилось. Возможно, снова придется собирать Совет...

перемотка

Учитель был в ярости.

– Нет, что же это? – бормотал он, расхаживая по комнате. – Есть такой удивительный шанс получить новые сведения о землях за пределами нашей территории, а эти старые маразматика хотят его лишиться! И почему Калину пришло в голову, что этот жалкий человечиска и есть тот самый Убийца из пророчества?... Да это пророчество было написано тысячу лет назад и, поди, исполнилось уже давно... А такое дело...

Я наблюдал из кресла за метаниями учителя и рискнул прервать его:

– Не расскажете, что там произошло?

– Что произошло, что произошло?.. – передразнил меня учитель. – Нарушителя задержали на южной полосе. Судя по всему, он пришел откуда-то со стороны Гномьих гор, из Империи людей. Откуда точно, сложно сказать, ведь там поблизости много деревень раскидано... Сам весь грязный, побитый, видно, падал откуда-то, и не раз... Так вот, нашему глубокоуважаемому старейшине Калиниэлю, да разгонит Единый его маразм, пришла в голову идея о том, что этот человек и есть Убийца из Книги Пророчеств. И теперь они его собираются принести в дар лесу... Даже не расспросив толком... – Он недовольно поморщился. – Ведь можно сначала выведать все, а затем уже – в дар...

– А почему старейшина решил, что это действительно Убийца?

Помолчав немного, учитель вздохнул:

– Понимаешь, когда обыскивали его, обнаружили непонятный предмет, назначение которого определить не удалось, и металлическую печать со знаком Смерти. Вот старейшина наш и решил, что зря такую печать никто держать у себя не станет, а значит, этот человек по описанию на Убийцу из пророчества. И поэтому его завтра на рассвете решено принести в дар. Вот так!

Я вспомнил Книгу Пророчеств, которую читал в детстве. Ну, как читал... пролистал немного, потому что никогда не любил тратить время на подобную чушь. Так там, насколько я помню, говорилось о каком-то чужаке, что придет издалека и своим появлением принесет много смертей народу эльфов, за что и будет прозван Убийцей. Неужели это тот самый? Но почему же он тогда так просто дал себя захватить? Почему сразу не начал убивать?

Учитель, пока я вспоминал пророчество, тоже размышлял, что-то бормоча себе под нос. Внезапно он остановился и воскликнул с блеском в глазах:

– Знаешь, а ведь его заперли в камере, и никого, кроме стражника, рядом с ним нет! У нас есть целая ночь, чтобы с ним побеседовать. А утром пускай его старейшины принесут, куда и кому захотят!

Учитель потер руки в предвкушении и продолжил размышлять вслух:

– И стражник там сегодня вроде бы должен стоять тебе знакомый... Да, сегодня как раз очередь Нима. Ты ведь смо-

жешь с ним договориться? – хитро посмотрел на меня учитель.

Я смог только кивнуть и постараться, чтобы кончики ушей не начали краснеть. Неприятная история с ним вышла, даже вспоминать стыдно. Несколько месяцев назад, на одной из встреч со старейшиной Лумом, на которой он рассказывал молодым эльфам о древних расах, а мы все делали вид, что внимательно слушаем, мне в голову пришла интересная идея. Дело в том, что мы с учителем в тот момент только-только начали изучать магию разума и учитель постоянно сетовал, что невозможно найти добровольца для практических занятий, так что приходится ограничиваться теорией. И вот я решил незаметно попробовать применить те крохи знаний, которыми уже владел, пользуясь тем, что нахожусь в толпе и подозрения, если таковые и будут, меня обойдут стороной. Начать я планировал с внушения, поэтому привычно расслабился и прикрыл глаза.

Концентрация получалась у меня с каждым годом все лучше. Вот и тогда, уже через мгновение, я мысленно посмотрел по сторонам и остановился на яркой ауре нашей первой красавицы Ламиэни, гордой и неприступной стервы, которую я даже и не пытался никогда заставить обратить на себя внимание, понимая всю бесполезность таких попыток. Так вот, я, следуя книжным инструкциям, направил слабые потоки магической энергии на Ламиэнь, сопровождая их сильным эмоциональным посылом и проговаривая про себя: «Лави-

ниэль – самый лучший эльф... он самый красивый и достойный... никто из нашего народа не может сравниться с ним... Ты полюбишь его...», ну и тому подобную чепуху.

Через несколько минут я позволил себе расслабиться и открыл глаза. Странно, но стервочка сидела как ни в чем не бывало и перешептывалась с подружками. Вздохнув, я отвернулся и понял, что мои усилия пропали зря. А может... я с надеждой опять скосил глаза. Нет, Ламиэнь все так же не обращала на меня внимания, зато кое-что другое заставило меня сильно занервничать. Мой одноклассник Ним, которому после моего резкого «осознания» досталась в селении вся слава первого лентяя и бездельника, сидевший недалеко от меня, повернул голову и посмотрел на меня ТАКИМИ глазами...

Весь урок я гадал, что мне теперь сделать, чтобы избежать последствий своего эксперимента. В голову ничего, кроме идеи повеситься на ближайшем суку, не приходило. А после того как старейшина Лум решил, что с нас достаточно, Ним подошел ко мне... Нет, он, конечно, не стал объясняться мне в любви. Традиции эльфийского народа не приемлют любовь между двумя однополыми своими представителями, не то что у людишек – развлекайся, с кем хочешь, если совесть позволяет. Он просто поклялся мне в вечной дружбе и сказал, что всегда мечтал иметь такого брата, как я.

На это я долго не знал, что ответить, но потом решил, что принять его дружбу будет лучше, чем объясняться с учите-

лем по поводу моего поведения. И с тех пор Ним стал всюду таскаться за мной, пытаясь помогать на лесных работах, а на дежурстве стремился устроиться в один отряд со мной, чтобы быть поближе. И хорошо, что дальше этого не заходило, так что я постепенно смирился с его присутствием. Да и над ним все перестали смеяться, когда этот влюбленный, подражая мне, рьяно взялся за учебу и тренировки. Правда, учитель, глядя на мой новоявленный «хвостик», все же что-то заподозрил, но ничего спрашивать у меня напрямую не стал, а только глядел с хитринкой, когда разговор касался моего «братишки».

В общем, я понял, что раз все так удачно складывается, мы сейчас идем допрашивать нарушителя. Если учителю что-то взбрело в голову, то его уже не остановишь.

– А будет ли он с нами беседовать? – спросил я, поднимаясь с кресла и показывая, что готов следовать за учителем.

– Не будет, так уговорим! Тебе давно нужно практиковаться в магии разума, вот и будет еще один опыт. Он ведь даже языка может не знать. Кто там разберет, из каких краев он к нам попал? – сказал учитель, выходя из комнаты. – Так что ничего сложного, попробуем пообщаться. Если вдруг он не будет ничего понимать, передашь ему знания общего, а затем сломаешь волю и...

перемотка

Я стою на коленях перед голым человеком и гляжу ему в глаза. Зря я так волновался. Передача пошла хорошо, как и

описывалось в книге, я чувствую, как необходимые знания языка копируются в мозг чужака и тот их успешно принимает... Но внезапно что-то идет не так. В глазах чужака отчего-то появляется злое выражение, и я начинаю ощущать, как из меня просто начинают высасывать душу! Я пытаюсь сопротивляться, но чувствую, как человек одним резким ударом ломает мою волю и начинает меня пить. Я цепенею и понимаю, что меня засасывает в глубь его бездонных глаз, а панический ужас ледяными пальцами сковывает мое сердце. Из последних сил я кричу...

Глава 6

Встать, суд идет!

– А-а-а-а-а!!!

Дикий крик рвется из моего горла. Я судорожно пытаюсь вскочить, но тут же со стоном падаю на землю. Тело болит, руки, по-прежнему скрученные сзади, почти не ощущаются. Где я? Меня выпили?! Хотя... Что это со мной? Это был сон или реальность? Память работала плохо, видно, все-таки здорово меня приложили, голова просто раскалывалась, так что я вскоре сильно пожалел, что очнулся. И что за невезение на меня свалилось – то и дело по голове получаю!

Оглядевшись, я понял, что нахожусь в том же темном помещении. Одежды на мне не прибавилось, зато прибавилась куча синяков, оставленных бойким старикашкой с посохом. Пошевелив ногами и попробовав глубоко вдохнуть, я скривился от резкой боли в правом боку. Видимо, эльф повредил мне ребра. Если так дальше продолжится, я рискую оказаться просто забитым насмерть. Постаравшись занять удобное положение, насколько это было возможно, я начал вспоминать тот неудачный эксперимент с моим обучением языку, смерть эльфа и свой сон, что пришел ко мне в беспмятстве. Он был таким реальным, будто это происходило со мной на самом деле, и таким необычным. Интересно, откуда я столь-

ко всего знаю? Это что – последствие неудачного эксперимента? А я ведь теперь знаю, что эльфы жизнь оставлять мне точно не собираются, но зато намерены принести в дар лесу. Что бы это могло быть? Явно же что-то малоприятное!

Память услужливо накатила волной, убирая сознание...

Раннее утро. Я стою в толпе эльфов, собравшихся на лесной поляне перед Ритуальным деревом, и очень хочу спать. Рядом стоит мой отец и крепко держит меня за руку. Внезапно по толпе прошло шевеление, и я понял, что сейчас произойдет нечто. Вот на поляну вступает процессия старейшин. За ними три воина ведут человека. Он старается сопротивляться, но воины легко преодолевают его жалкие попытки и тащат человека дальше.

Глава останавливается напротив Ритуального дерева и произносит речь. Он говорит что-то важное, торжественное, но мне не интересно его слушать. Вместо этого я дергаю отца за руку.

– Папа...

– Ну что тебе, Лавиниэль? – со вздохом наклоняется ко мне отец.

– А зачем сюда привели человека? – спрашиваю я, во все глаза рассматривая это жалкое существо, которое уже даже не пытается вырваться, а просто стоит и печально чего-то ждет.

Отец, продолжая слушать главу старейшин, наклоняется ко мне еще ниже и шепотом начинает объяснять:

– Сынок, этот человек нарушил нашу границу. Мало того, он позволил себе охотиться на нашей земле, за что старейшины на вчерашнем Совете решили его принести в дар лесу.

– А зачем лесу нужен этот человек? – непонимающе спрашиваю я.

Отец недовольно поморщился и ответил, выпрямляясь:

– Смотри, сейчас сам все увидишь!

Мое сонное состояние исчезло без следа, более того, я почувствовал нетерпение окружающих и сам отчего-то подумал: скорей бы! Нужно посмотреть, что там происходит, решил я и даже привстал на цыпочки. А все действие было для меня очень странным и непонятным. Старейшины подошли к дереву и обвязали его толстой веревкой. Концы этой самой веревки они завязали на шее человека, которому спутали руки и ноги. Затем они оставили нарушителя границы привязанным к дереву и отошли в сторону, чтобы всем было видно, оставив рядом с ним только голову. Последний торжественно прокричал:

– Прими наш дар тебе, Светлый лес!

Затем он прикоснулся к дереву, и я увидел, что из его ладони потек свет. Дерево зашелестело листьями, хотя не было никакого ветра.

– Он примет дар! Он примет его! – на разные голоса загомонили вокруг меня.

Глава также отошел от дерева и присоединился к старейшинам, а Ритуальное дерево начинало оживать! Оно все

сильнее шелестело листьями, шевелило ветками и качало верхушкой. Человек под ним, задрав голову, с ужасом смотрел на шевелящиеся ветки. Но смерть пришла снизу. Гибкие белесые корни выстрелили из-под земли и опутали его ноги, лишая возможности бежать. Человек с криком стал дергаться, пытаясь вырваться из цепких объятий, но корни держали крепко. К ним на помощь вылезали еще и еще...

Они все выползали из земли, становились толще, стремились опутать тело жертвы, скручивая его, а затем несколько тонких отростков вонзились внутрь, живыми змеями проникая в плоть. Человек истошно завопил, начал барахтаться с новой силой, из ран показалась кровь, но все новые и новые ростки впивались в его ноги, руки, живот. Я с отвращением увидел, как человек превращается в клубок живых корней, приподнимающих его над землей. Из клубка текла кровь. Голова, еще остававшаяся видимой, издавала все слабеющие крики, а затем человек захлебнулся кровью. Мгновением спустя из его рта вылез извивающийся корень. Я с ужасом отвернулся и посмотрел на стоящих рядом эльфов. На их лицах были улыбки. Я глядел на своих сородичей и понимал, что они всей душой радовались человеческим страданиям...

Я с ужасом вынырнул из пучины воспоминаний и ошеломленно воскликнул:

– Ни фига себе! Меня собираются скормить дереву-вампиру!

Странно, но язык ворочался с трудом, а в горле першило. Я почувствовал, что говорю не слишком внятно. Прокашлявшись, попробовал еще раз:

– Хоть бы напиток напоследок принесли... – и осекся.

Звуки, что вылетали из моего рта, были непохожими на слова русского языка. Вместо них я произносил нечто странное, непривычное, но очень музыкальное... Я говорил на эльфийском! Эта мысль повергла меня в ступор. Значит, тот эльф все же удачно провел свой эксперимент, прежде чем откинуть копыта, и я теперь знаю их язык... Тут я похолодел, вспомнив свой сон и накотившее воспоминание.

Я же ВЫПИЛ его! Я забрал у него знания не только об их языке, я вытянул из него ВСЕ, что он знал! Теперь мне стало понятно, что мой сон был всего лишь отрывками из воспоминаний эльфа, из МОИХ воспоминаний. И что же теперь? Попробуем размышлять здраво. Я усмехнулся – попробуй тут сохранить здравое мышление, когда такое творится. Если бы на моем месте был человек, не знакомый с фэнтези, он бы уже с катушек слетел!.. Хотя это неправильная мысль. Правильнее будет: эх, если бы на моем месте был кто-то другой!

Итак, что мы имеем? А имеем мы ситуацию хреннее некуда, и как из нее выбираться – непонятно! Факт первый: я в другом мире, измерении, пространстве, отражении (нужное подчеркнуть) и, как выбраться домой, совершенно не представляю! Факт второй: местное население настроено

недружелюбно и собирается меня использовать в качестве удобрения. Нет, это совсем неприличное фэнтези получается! Где маги, которые будут признаваться, что выдернули меня из моего мира, чтобы я сделал здесь что-нибудь героическое? Где умные и всезнающие люди (что, судя по книгам, могут быть тут в любой занюханной деревушке), которые подскажут, что же я должен отыскать, чтобы организовать отправку меня, любимого, обратно, или хотя бы сообщат, к кому идти за помощью?

Короче, почему-то все традиционные каноны фэнтези в моем случае работают отказываются. Или это я такой особенный, или мир такой неправильный, с очень неправильными эльфами, которые делают очень неправильный... Так, идем дальше. Факт третий: в результате некоего магического эксперимента я обладаю знанием местного языка и памятью молодого аборигена. Это единственное, что я могу занести в плюс. Правда, в процессе опыта абориген откинул копыта, что явно не прибавит мне популярности у местного населения. Но так как они все равно собираются меня убить, это меня не колышет. Как говорится, ниже падать уже некуда...

Я вновь попробовал разорвать веревку, связывающую мои руки, и вновь безуспешно. Веревка только сильнее впилась в кожу. Оставив это занятие, я принялся оглядываться в поисках чего-нибудь колюще-режущего, и тут услышал за дверью шаги.

– Черт, не успел! – шепотом выдохнул я, судорожно под-

нимаясь на ноги.

Теперь мой последний шанс – броситься на стражника и попробовать запинать его. Тут весьма некстати вспомнился анекдот про муравьев, которые пошли охотиться на слона. Я отогнал все эти пессимистические мысли, подобрался, чувствуя, как стегнуло болью по правому боку, и услышал, что засов начинает отодвигаться. Дверь распахнулась, пропуская внутрь двоих эльфов. Двоих! Все мои надежды рухнули. Одного еще были шансы завалить, но двое мне явно не по силам! Теперь все, что мне остается – это напасть на них и надеяться, что следующий удар по голове окажется смертельным.

С мрачными мыслями я разглядывал вошедших. Оба при оружии. Одного я узнал – это был Ним из моих воспоминаний. Он держал в руке какой-то сверток и, как мне, полуслепому, показалось, с трудом сдерживал гнев. Машинально я отметил – они не захватили светильника, но я хорошо вижу их. Значит, уже наступило утро, пора приносить дары! Чтоб этот лес горел синим пламенем! Второй эльф подошел ко мне и вытянул из ножен на поясе кинжал. Я не стал отшатываться и ждал, что он меня прирежет по-быстрому, но эльф развернул меня и провел клинком по веревке на моих руках. После этого отошел и кивнул Ниму. Я стоял и тупо разминал запястья, понимая, что убивать они меня сейчас не будут, предоставив эту честь Ритуальному дереву. Ним швырнул мне под ноги сверток и приказал:

– Одевайся!

Второй эльф сказал ему насмешливо:

– Ты бы с ним еще на старозельфийском заговорил! Он же человек, откуда ему знать наш язык?

Я с удивлением посмотрел на них. Значит, об эксперименте старик никому не сказал, так что никто из эльфов не знает, что я получил память и знания их сородича. Ну, да и правильно, незачем рассказывать другим о своих промахах, тем более что единственный свидетель этого скоро перейдет в неживое состояние.

Ним скривился и приказал еще раз:

– Одевайся!

На этот раз прозвучавшее слово было резким и без музыкальных интонаций. Я нагнулся, поморщившись от боли, и стал разворачивать сверток, попутно думая, какой же это язык. Может, общий, о котором говорил учитель?.. Сверток оказался просторной рубашой, больше похожей на свитер, и штанами без какого-либо намека на ширинку. Ткань была грубой, сродни мешковине, никаких изысков не наблюдалось. Короче – арестантская роба, понял я, и стал ее на себя напяливать. Штаны были мне велики и спадали, а рубаша, когда я ее надел, приобрела вид мешка с рукавами, коим на самом деле и являлась.

– Пошли! – скомандовал Ним все на том же языке.

Он дождался, когда я сделал несколько шагов в сторону старшего, стоявшего на пороге, и пристроился у меня за

спиной. Старший, оглядев меня презрительно-надменным взглядом типа «даже и не думай!», развернулся и вышел из комнаты. Я обреченно потопал за ним. За дверью оказался не большой мир, а длинный коридор. В самом его конце, рядом с выходом, стояли несколько лавок и какое-то сооружение, на котором были развешены копья и луки. Проходя мимо этого склада, я краем глаза заметил, что Ним взял с него копье. Ага, все ждешь, что я попытаюсь сбежать! Нет уж, не дождешься. Сейчас у меня шансов совсем нет, будем надеяться, что дальше подвернется удобный момент.

Старший толкнул дверь, и мы вышли на белый свет. Я сделал два шага и замер, часто моргая. Стоял солнечный день. Но как же так? Видимо, в отключке я был довольно долго. Но ведь жертву эльфы приносят с утра, так куда же меня ведут сейчас?.. Я не получил ответа на свою мысль, зато узнал, зачем Ним прихватил с собой копье. Эта сволочь больно ткнула меня в спину, и я полетел на землю. Со всех сторон раздался громкий смех. Лежа на земле и держась за бок, который опять пронзила резкая боль, я повел глазами и увидел, что посмотреть на мои проводы собрались многие. Эльфы от мала до велика стояли вдоль широкой улицы, образуя своеобразный почетный караул.

Тупой конец копья еще раз больно воткнулся мне в спину.
– Поднимайся! – рявкнул Ним.

Я со стоном встал на ноги и пошел вслед за эльфом, порадовавшись, что мне удалось не расквасить нос на потеху

публике. Она бы оценила и одарила меня еще большим смехом и, может быть, даже овациями. И я их прекрасно понимал, ведь такое в их селении случается не чаще раза в десять лет. И так как ни телевизора, ни радио тут нет, эльфы рады хоть каким-то представлениям. Даже таким, как жертвоприношение чужака.

Мы шли по широкой улице, направляясь явно не в сторону дерева, которому мне предстояло «подариться», а в центр поселения. Это меня немного утешило. Значит, процедура откладывается и у меня есть время для побега. Со всем немного, до завтрашнего утра. В то, что эльфы простят меня, я не верил ни капельки. Из того, что мне продемонстрировала память, я понял, что эта раса рассматривает людей в качестве разумных животных и обращается с ними соответственно. Так что ни на какое сочувствие, понимание и прочее я рассчитывать не мог.

Следуя за старшим, я глазел по сторонам на эльфийские строения. Или это я без очков ничего не разобрал, или наши писаки напридумывали, но никаких огромных стволов, где может разместиться несколько жилых комнат, никаких живых деревьев и прочей фэнтезийной лабуды видно не было. Вместо этого по обеим сторонам улицы шли одноэтажные домики, где повыше, с чердаком, где пониже, крепко сбитые из досок, местами неоструганных, с корой, а местами и потемневших от времени. Домики имели окна, но чем они были затянуты, я так и не разглядел. Но точно не стеклом.

Эльфы с любопытством меня рассматривали, гомоня на разные голоса. И тут мои штаны упали до колен, открывая на всеобщее обозрение некоторые части тела! Громкий смех показал, что мое показательное выступление было оценено. Я остановился и, нагнувшись, попытался их натянуть, но радостный удар в спину лишил меня равновесия и опять повалил на землю. Встреча с землей прошла в недружественной обстановке – пытаюсь надеть штаны, я не сумел вовремя подставить руки и закономерно расквасил себе лицо. Толпа неистовствовала, пока я возился в дорожной пыли, натягивая штаны и получая болезненные удары дровком в разные места.

Это продолжалось, пока Нима не остановил старший, который приказал мне встать. Поднявшись и придерживая одной рукой спадающие штаны, второй я пытался унять кровь, ручьями текущую из носа. Это не сильно мне удавалось, поэтому я, запрокинув голову, кинулся догонять ушедшего вперед эльфа. Толпа на протяжении всего этого цирка просто билась в истерике от хохота. Так бы и поубивал их всех! Ну, твари лесные, дождетесь! Придет какой-нибудь человеческий народ и вырежет вас под корень к чертовой матери! А Дерево ваше вообще спалит, так как такому растительному хищнику одна дорога – на дрова!

Ним не оставлял попыток ткнуть меня побольнее, пока я догонял старшего эльфа, а потом просто зашагал сзади, фыркая от распиравшей его злобы. Я решил больше ни на

что не отвлекаться и не устраивать клоунады этим ублюдкам, хихикающим по сторонам. Вскоре мы приблизились к большому зданию в конце улицы, у которого собралась толпа эльфов – штук сто. А по краям дороги меня провожали еще штук пятьсот (улица длинная была). И значит, живет тут не больше тысячи эльфийского поголовья, включая детей. И это единственное эльфийское селение в лесу, как я понял из воспоминаний, что мне достались. Вымирают, гады, злорадно отметил я. Как мне было известно из школьного курса, для выживания народу необходимо как минимум десять тысяч особей, иначе начнется деграция, браки между родственниками и тому подобное. Если здешние эльфы этот порог благополучно миновали, им остается только посочувствовать, да что-то не хочется.

Так, провожаемые гулом голосов и смешками (видимо, особо резвые добежали раньше и передали ожидавшим здесь, какого зрелища те лишились), мы зашли в распахнутые двери. Внутри обнаружилось большое помещение с дощатым полом. У стены возвышался полукруглый помост, на котором находился такой же полукруглый длинный стол. За ним сидел с десятков стариков на шикарных резных стульях с высокими спинками. Позади них виднелся горящий камин, хотя зачем он был нужен, я так и не понял – на дворе было тепло, лето же сейчас.

Чтобы выглядеть поприличнее, я попробовал утереть кровь из носа рукавом, но лишь сильнее размазал ее. Хоро-

шо хоть, она уже перестала течь, да и зубы все остались целы, не иначе, как по счастливой случайности. Тем временем я и мои сопровождающие подошли почти к самому столу. Остановившись, я стал разглядывать старейшин. В том, что они старейшины, я не сомневался – некоторые из них выглядели настолько старыми, что я всерьез начал думать, что они уже превратились в живые мумии, заседая тут долгие годы.

– Мы доставили его, почтенный Глава! – обратился к одному из старейшин сопровождающий меня эльф.

– Благодарю, Иглиэль, – пробормотал сидящий в центре. – Останься рядом, а ты, Ним, выйди и закрой за собой двери.

Обернувшись, я увидел, как Ним лишь молча поклонился и вышел из здания, закрыв за собой створки дверей и отсекая гомон толпы. Иглиэль же отошел от меня на несколько шагов в сторону и как бы невзначай опустил левую руку на рукоять кинжала. Ну и зря. Что я – дурак, пытаться рыпаться в такой обстановке? Да меня же чуть что, толпа на дворе растерзает, а потом еще и всласть похочет над трупом. Я вновь повернулся к старейшинам. Те в молчании меня разглядывали, я платил им тем же. Наряды у них были богаче, чем у эльфов на улице, оружия не было заметно, на пальцах лежащих на столе рук блестели колечки, на шеях у некоторых виднелись украшения. Я шурился, рассматривая старцев и жалел, что потерял свои очки. Такая красота, а оценить не могу, вижу только много блеска, а деталей почти никаких! Эх, тяжело быть близоруким.

Наконец молчание нарушил Глава. Он полупробормотал-полувыдохнул:

– Так вот ты какой... («Северный олень!» – добавил я про себя.) Убийца!

Его сварливо прервал один из соседей:

– Почтенный Калиниэль, мы ведь еще не решили, может ли этот человек быть тем Убийцей из пророчества.

– Нет, это вам нужны еще какие-то доказательства, Ливан, – ехидно ответил Глава. – Лично мне, да и большинству здесь присутствующих, все и так понятно!

Ливан поморщился, видимо, ему не слишком понравилась отповедь, но решил промолчать. Я с любопытством наблюдал за ними. Давайте, говорите, мне нужна информация, чтобы понять, можно ли выпутаться из ваших лап.

– Все доказательства очевидны, – продолжал Глава. – К нам пришел чужак, неся с собой символ смерти. Он уже убил одного эльфа... сколько еще тебе доказательств нужно?

Символ смерти? Интересно, что это они нашли у меня? Пока я задавал себе этот вопрос, старейшина обратился ко мне:

– Отвечай, это твое? – Он поднял что-то блестящее со стола.

Зажигалка, догадался я, судя по форме и блеску. Они нашли мою зажигалку! Видимо, это и есть для них тот самый символ смерти. Я вспомнил, что выбрал модель с оскаленным черепом. Блин! Знал бы раньше, купил бы с орлом!

Старейшина смотрел на меня выжидающе, но я молчал. Так как говорил он на мелодичном эльфийском, я решил не отвечать, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Стоявший сбоку от меня Иглиэль решил вежливо уточнить:

– Человек не говорит на нашем языке, но понимает общий.

Калиниэль повторил уже на общем, скривившись так, будто произносимое оскверняло его рот:

– Это твое?

– Да, – решил я не опровергать очевидное.

– Что это?

– Зажигалка, – мой ответ был лаконичен донельзя.

– И что она зажигает? – продолжал свою линию старейшина.

– Все.

Ну а как я еще мог ему ответить?

– Вот! – провозгласил Калиниэль, поднимая зажигалку повыше. – Оружие Убийцы! И на нем знак смерти!

Все уставились на зажигалку, словно это был бриллиант в сто с лишним карат. Хотя... ведь для них, наверное, это могущественный артефакт смерти. Теперь они будут его беречь как зеницу ока. Интересно только, решатся спросить, как он работает, или попробуют разобраться сами? Старейшина положил на стол зажигалку и поднял еще один предмет.

– А это?

– И это мое, – подтвердил я, опознав в предмете свой

складной ножик.

– Что это? – старейшина зашел на второй круг.

– Ножик, – также не отставал я. – Складной.

– Зачем складной?

– Для удобства.

В переговорах наступила пауза, на протяжении которой старейшина пытался определить, как раскладывается ножик. Наконец, после долгого ковыряния, лезвие было извлечено на свет, и ножик в раскрытом виде также повторил путь за-жигалки.

– Вот! – вновь провозгласил Калиниэль, крутя ножиком во все стороны, чтобы все могли налюбоваться. – Еще одно хитроумное оружие Убийцы.

Старейшины вытягивали головы, пытаясь рассмотреть ножик, но с места не вставали, хотя было видно, что им тоже безумно хочется потрогать неведомое оружие. Я смотрел на них и умилялся. Как дети, честное слово! Но потом одернул себя: эти детки скоро отправят меня на тот свет, а я тут соплю развожу! Тем временем старейшина взял со стола еще один мой предмет.

– Разумеется, и это мое, – опережая вопрос, произнес я. – Это мобильник, для общения на расстоянии, только он уже давно не работает.

Эльф повертел «Нокию» в руках и поднял повыше, чтобы остальным было видно.

– Вот и амулет связи с его сообщниками, которые собира-

ются вскоре напасть на нас! – заколотил он еще один гвоздь в мой саркофаг. – Нам всем очень повезло, что этот челове- чишка не маг и не смог вовремя наполнить его энергией, а то сейчас к нему на подмогу уже спешили бы другие!

Наполнить энергией? Ни фига себе! Хоть один выстрел эльфа попал в цель – я действительно забыл его зарядить. Правда, и заряженный, он бы мне мало чем помог в такой ситуации, разве что пару песен можно было послушать на- последок.

– Его нужно срочно уничтожить! – проскрипел один из старейшин. – Чтобы сообщники, если таковые имеются, не смогли вычислить его местонахождение.

– Ты прав, Зиг, – после некоторого раздумья ответил Ка- линиэль.

Он достал кинжал из ножен и с размаху прищипил к сто- лу мою мобилу. «Нокия» только жалобно хрустнула, а я пе- чально вздохнул. Почти двести баксов! Ур-роды! Вытащив кинжал из столешницы, старейшина поднял остатки мобил- ки и бросил их в камин за своей спиной. Мне только оставалось проводить ее взглядом в последний путь. Эльф удовле- творенно засунул кинжал в ножны и начал допрос:

– Откуда ты?

Все! Я решил, что это переломный момент. Дальше я или буду врать, а затем отправлюсь на корм Дереву, или же бу- ду говорить правду, но тогда не исключено, что меня убьют даже раньше. А в том случае, если повезет и мне поверят,

меня ждет долгий допрос, не исключено, что с применением пыточных средств. А может, просто высосут мою память, как я у эльфа, ведь есть у них такие мастера, судя по его воспоминаниям. Поэтому, немного поколебавшись, я решил выбрать первый вариант, надеясь за оставшееся время что-нибудь придумать.

– Из деревни.

– Конкретнее!

– Из деревни Большие Лопухи, недалеко от Гномьих гор, у развилки большой дороги.

Старейшина, побряхтев, понял, что точнее уже некуда, и продолжил:

– Зачем ты пошел к нам?

– Хотел мир посмотреть, отправился в лес, надеясь, что он кончится, и я попаду в город, а попал к вам. Я же не знал, что тут живут эльфы!

– А как ты прошел через лес?

– Ногами.

– Но там же хищники?

– Я их не встретил.

– Ты не встретил ни одного кэльва? – Удивлению Главы не было предела.

– Кто такой кэльв? – задал я встречный вопрос.

– Кэльвы – это опасные и безжалостные убийцы, обитающие возле Великих Кедров, а также на севере нашего леса. Они рыжие, с большими ушами и хвостом, молниеносно

быстрые и ловкие. Их когти унесли жизни многих неосторожных эльфов. Из-за них мы уже давно не посылаем дозоры в ту часть леса, где они обитают.

– Одного кэльва я встретил, – решил рассказать я о своей встрече с пушистиком. Может, скидку сделают и не отправят на корм.

Старейшины удивленно затаили дыхание, а я молчал, гадая, на сколько их хватит.

– И?.. – не выдержал Глава.

– Мы с ним договорились друг друга не трогать, – сообщил я.

Старейшины с шумом выдохнули и загомонили:

– Договорились...

– ...с кэльвом?!

– Невероятно!

Вердикт подвел все тот же Калиниэль. Он заявил:

– Кэльв нашел родственную душу. Душу Убийцы!

Старейшины замолкли и закивали, а я понял, что совершил ошибку и никакой скидки на необычность мне не светит.

Допрос продолжался и продолжался... Глава задавал множество вопросов, пытаясь завалить на мелких нестыковках, но я отвечал односложно, не вываливая никаких подробностей. Знаем, плавали, у школьников тесты покруче будут.

Вкратце моя история выглядела так: я родился и вырос в деревне, пас там свиней, но, наслушавшись историй дедуш-

ки, решил посмотреть мир и пошел не по большой дороге, а напрямик – через лес, к ближайшему городу. Тут меня спасла только память эльфа, так как я ни одного здешнего города по понятным причинам не знал. Я постарался вызвать у себя ощущение потери сознания и просмотрел маленький отрывок из жизни Лавиниэля, где тот сидит на уроке географии, а учитель вдалбливает в головы эльфятам: «Запомните, первый крупный человеческий город рядом с границей – Зингард...» Дальше меня выкинуло прямо пред ясны очи Главы, который с нетерпением повторил вопрос, да еще и удивлялся, почему я задумался. Пришлось сочинить сказку, что дедушка умер десять лет назад, а только от него я знал, что находится за лесом. Дальше я, как по писаному, объяснил появление хитрого ножики (торговец отцу продал, сказал, что гномья работа) и зажигалки (семейная реликвия, еще прадед в большой битве у мертвого колдуна взял) и причины их нахождения у меня (денег нет, везу в город продавать). Это вкратце. А так допрос продолжался больше трех часов, ошибок я почти не делал, а если Глава заикливался на некоторых словах или понятиях, на это я давал лаконичный ответ: так все в нашей деревне говорят.

Выдохшись, старейшины отстали от меня и стали общаться между собой. Причем, судя по вопросам, которые они задавали, учитель Лавиниэля точно ничего им не рассказал о своем эксперименте, так как о причинах смерти эльфа в моей камере они не заикались. Я смотрел на них и чувствовал,

что еще десяток минут, и я обмочу им здание Совета снизу доверху, если они сейчас же не отпустят меня облегчиться. Но, так как речь шла все-таки о моем будущем, я не вступал в беседу со своей несвоевременной просьбой. Наконец, наобобщавшись, старейшины выжидательно посмотрели на Главу. Вот это да! Только видимость демократии – совещание, обсуждение, а в итоге – как Глава решит, так и будет!

Последний, прокашлявшись, поднялся со стула в несколько приемов (видимо, совсем радикулит замучил) и торжественно произнес:

– Совет старейшин решил! За нарушение границы эльфийских земель, за владение смертоносным артефактом, за убийство эльфа при попытке к бегству приговорить тебя, человек, к принесению в дар лесу!

Так вот как учитель решил это дело обставить: убийство при попытке к бегству. Ясно теперь, почему они даже не спрашивали меня о Лавиниэле. Впрочем, такого финала я и ждал. Помилование мне явно не светило. Нет, у меня еще раз мелькнула мысль рассказать им правду, но я затолкал ее в глубину сознания и молча выслушал вердикт.

– Ты что-нибудь хочешь сказать? – спросил напоследок Глава.

Я мстительно озвучил мысль, что пришла мне в голову по дороге сюда:

– Хорошо, что через пару столетий вы все вымрете, как мамонты!

Лицо старейшины побледнело от гнева. Сидящий рядом с ним Ливан спросил:

– А кто такие мамонты?

Я с ехидненькой улыбочкой ответил:

– А что, не знаете? Были давно такие большие животные, стадами бегали по земле, горя не знали, да пришел человек и стал ими питаться. Вот они постепенно и вымерли. А к вам даже и ходить не нужно. Зачем лишнюю работу делать? Глядишь, через столетие-два и духу вашего в этом лесу не останется!

– Наглый человечиска, – Глава даже позеленел от злости. – Сравнить нас с животными... – он задохнулся.

– Нет, мамонты – это все фигня. Вот динозавры... – протянул я.

– А динозавры – это кто? – спросил все тот же Ливан. (Хотя кто его знает, может, Ливаниэль или еще как, мне же они не представлялись).

– Динозавры – это тоже животные, – пояснил я. – Жили они еще до мамонтов и были в десятки раз крупнее их.

– И что? – Ливан захватил инициативу в свои руки, пока Глава пытался отдышаться.

– А ничего, тоже вымерли! – мстительно закончил я.

– Во-о-он!!! – Калиниэль наконец сумел вдохнуть. – В камеру! Стеречь!.. Завтра на рассвете ты будешь принесен в дар лесу! – тяжело дыша, выкрикивал Глава.

Иглиэль подхватил меня под руки и потащил к выходу.

Жалко, я ведь собирался еще разок попробовать довести старика. Судя по всему, я чуть-чуть не достал до отметки «сердечный приступ», а тут такой жесткий выход из игры. Несправедливо! Я вздохнул, когда эльф выталкивал меня наружу к поджидавшей толпе. А кто сказал, что суды справедливы?

Глава 7

Побег

Обратный путь до камеры прошел в молчании. Толпа в ожидании цирка все так же стояла по обеим сторонам улицы, а немалая ее часть сосредоточенно сопровождала нас сзади. Все смотрели на меня, но я не спешил оправдывать их ожидания. Даже на болезненные тычки Нима старался не обращать внимания и не терял равновесия. Толпе это не понравилось, так как она очень хотела зрелищ. Сперва она пыталась вызвать мою реакцию выкриками оскорблений, сначала на эльфийском, а потом на общем. Я молчал и запоминал все выражения; некоторые из них были просто дивными образцами высокохудожественного мата. До обычной ругани эльфы не опускались, так как в толпе были дети. Вот именно последние и начали новый этап зрелища.

Вначале из толпы прилетел камень. Довольно увесистый булыжник ударил меня в плечо и упал под ноги. Я глянул на толпу и увидел, как какой-то эльфенок показывает мне кулак. Его выходка вызвала взрыв хохота. Я молча шагал дальше и не заметил, как с противоположной стороны ко мне прилетел другой камень. Этот стрелок оказался метче – булыжник попал мне прямо в затылок, вызвав вспышку боли в голове. Я остановился и оглянулся. Еще один пацаненок с

вызовом взирал на меня. Хорошо, хоть силы у него немного, ведь метко попал, снайпер, мать бы его! Еще бы чуть-чуть посильнее, и все – отмучился!

Я тут же повернулся и увидел, что первый пацан уже подобрал новый заряд. Ярость моя возобладала над осторожностью. Да как они смеют! Это чувство было невероятно мощным, оно смешалось с ненавистью и смыло боль из головы. Я медленно произнес на общем, глядя эльфенку в глаза:

– Следующий камень полетит обратно!

Посмотрев немного на него, я дождался привычного толчка Нима и пошел вслед за Иглиэлем. Краем глаза заметил, что пацаненок с камнем припустил следом, но тотчас нырнул в толпу и растворился в ней. Я уже успокоился и стал было надеяться, что тот оставил свои выходки, но малолетний эльф внезапно вынырнул впереди и, сильно размахнувшись, швырнул в меня камень, целя прямо в лицо. В голове что-то щелкнуло, злость нахлынула волной, убирая всю мою цивилизованность, смывая остатки жалости к вымирающему виду. Я поймал камень у самого лица и сжал в кулаке, видя досаду на лице мальчишки. А затем, резко крутнувшись вокруг своей оси и разгоняя руку наподобие пращи, разжал пальцы, посылая снаряд обратно. Так учил меня мастер. Камень со свистом улетел из моего кулака и с громким стуком врезался в лоб эльфенку. Его голова даже запрокинулась от удара. Во внезапно наступившей тишине он рухнул в пыль. А я лишь поднял на толпу взгляд, полный холодной ярости,

и произнес:

– Я предупреждал.

После чего продолжил шагать, но вскоре остановился, догнав Иглиэля. Тот с ужасом и изумлением смотрел мне в лицо. И тут толпа задвигалась. Кто-то из эльфиек кинулся к пацану, повернул ему голову. Вскоре оттуда раздались вопли:

– Умер! Мальчик умер!

И уже вся толпа, зверея на глазах, качнулась ко мне, проносясь на разные лады лишь одно:

– Смерть Убийце!

А я внезапно понял, что нужно сделать – подскочить к Ниму, выхватить у него из руки копьё правой, а левой выдернуть из-за пояса кинжал. Его отправить через плечо Иглиэлю в сердце, затем крутануть копьё, чиркнув кончиком Ниму по шее, и кинуться на толпу, убивая всех, кто подступит ко мне на расстояние удара. Так я уложу несколько десятков гадов, которые собрались растерзать меня, а потом... Я шагнул к Ниму...

– Стойте! – истошно завопил Иглиэль, прервав мое движение. – Этот человек завтра будет принесен в дар лесу. Если вы его убьете, Ритуальное дерево останется без жертвы. Кто его заменит? Может, это будет кто-то из вас?!

Толпа медленно остановилась, а эльф привел еще один довод:

– Судьбу Убийцы определил Совет, никто не смеет оспаривать его решения!

Эльфы вокруг нас задумались, а потом начали возмущаться, но негромко. Видимо, против Совета идти не хотел никто. Запал, всколыхнувший толпу, медленно пропадавал, опасный момент наивысшего напряжения прошел, и я понял, что мое растерзание на сегодня отменяется. Кто-то из дальних рядов все же крикнул:

– Но ведь он убил Заля!

– Завтра он получит свое наказание, вы можете прийти и посмотреть на это! – ответил Иглиэль.

Толпа недовольно ворчала на разные лады и исходила злобой, но послушно расступилась, когда Иглиэль, а за ним и я с Нимом продолжили путь к камере. Больше никто камней не бросал, а в моей голове внезапно что-то щелкнуло, и ярость поухнула. Уже трезво я начал размышлять, откуда же пришло ко мне знание навыков боя, приемов работы с копьем, но главное – откуда появилась та реакция, с которой я молниеносно поймал камень, летящий в лицо? Здесь могло быть только одно объяснение, но я об этом пока старался не думать...

Наконец мы дошли до сарая, который на сегодняшнюю ночь должен стать моим последним пристанищем. Иглиэль и Ним сопроводили меня до камеры, а затем ушли, причем Ним напоследок окатил меня волной ненависти. Когда дверь на эльфами закрылась, я опустошил мочевой пузырь. Пометив ту же самую стенку, я сел на землю у противоположной и начал размышлять. А подумать было над чем.

Судя по всем признакам, Лавиниэль все же не умер, как я полагал. Нет, он живет и здравствует, но только обретается во мне. Высасывая из него информацию, я нечаянно взял не просто много знаний, а выпил все, что было в его голове. Вот почему последним его воспоминанием было погружение в мои глаза. И теперь вся память, все эмоции, да что там уже мелочиться, вся личность Лавиниэля уместилась на задворках моего мозга. Но так как возможности ее отчего-то ограничены, то пока она общается со мной, только предоставляя жизненно важные для меня сведения. А как же иначе? Умирать повторно тоже ведь неохота. Вот и приходит ко мне частичка его воспоминаний, а в экстренных случаях эльф во мне даже может управлять моим телом. Я вспомнил эпизод с камнем и понял, что сам не поймал бы его никогда.

Почему же так происходит и почему личность Лавиниэля не заменила мою, а осталась в качестве теневого помощника? Хотя в тот момент, когда я почувствовал, что моим телом словно управляют, я ощутил волну ярости. Но почему она захлестнула меня? Ответом может быть только одно – Лавиниэль в этот момент тоже испытывал похожее чувство, что и облегчило проникновение его сознания в мое. Поэтому я и получил на краткое время знание боя, которым владел эльф и которое тут же исчезло, когда опасность прошла.

Теперь все вроде бы ясно, все разложено по полочкам. Но что делать дальше? Личность Лавиниэля долго терпеть не будет, она попытается установить контроль над телом. Да и

каково это, быть запертым в мешке, все видя и слыша, но без права что-нибудь сделать? Я бы так не смог. Да и он не сможет, а жить, деля одну голову на двоих с чокнутым эльфом, мне не улыбается, даже если я выберусь отсюда. Тогда что же делать? Опять этот вопрос, на который существует лишь один ответ – мне нужно каким-то образом избавиться от нахлебника в своем теле. Но как? Ведь убить часть мозга я просто не могу, да и глупо бегать, колотя себе по голове с криком: «Ты здесь прячешься?» Кроме того, есть еще один момент, который я должен учесть – знания эльфа мне все же нужны. Значит, я должен избавиться от непрошеной личности, но сохранить информацию о ее навыках. Бред! Мне даже встретиться с ним невозможно, а тут еще и убивать придется. Нет, стоп, есть один выход... Да, это может сработать!

Подумав про альтернативу и не обнаружив ни одного другого варианта, я приступил к осуществлению своей бредовой идеи. Сперва уселся поудобнее и закрыл глаза, затем подумал и улегся на землю, выровнял дыхание и погрузился в себя. Я искал в себе чувства. Нет, не то, что я сейчас чувствую – решимость и страх, а другие, чужеродные, чувства Лавиниэля. Я лежал так пять минут, десять, пятнадцать... Я уже начал задремывать, когда внезапно ухватил за хвост новое чувство. Это была тоска. Глухая, беспросветная, заставляющая руки опускаться и заполняющая сердце безнадежностью. Я постарался окунуться в эту тоску, пропустить ее через себя, прочувствовать, одновременно мысленно говоря:

«Лавиниэль, ты же маг разума, помоги мне! Мы должны встретиться! Я хочу просто поговорить...»

Тоска захлестнула меня, но на самом дне я почувствовал сожаление и мысль, нет, лишь отзвук мысли:

«Хорошо...»

Меня окутала тьма. Разумная тьма, она бережно укрыла мое сознание, а я не сопротивлялся ей, подумав только, что, если ничего не выйдет, лучше бы мне и не просыпаться во все. Уж очень не хочется идти на завтрак дереву! Лучше тихо и мирно откинуть копыта во сне.

Внезапно тьма рассеялась, и я обнаружил себя на цветущей поляне. Цветов было так много и они были такими яркими, что я невольно залюбовался этим великолепием. Поляна была просто одним большим пестрым ковром, обрамляемым деревьями с ярко-зеленой листвой. На ней кто-то сидел. Я не стал приглаживаться, потому что знал – это Лавиниэль. Молча любуясь цветами всех форм и расцветок, я пошел по ковру к нему. Я знал, что для одного из нас эта встреча должна стать последней, я знал, что должен убить его, я знал... Но я шел по поляне и восхищался богатством расцветки больших кувшинок, отчего-то росших на земле. Тюльпаны, которые я сумел опознать, почему-то были раскрашены в полоску, а розы – в зелено-красную крапинку, а были еще подсолнухи...

Я подошел к Лавиниэлю. Эльф сидел в центре поляны на корточках и не шевелился. Откуда-то ко мне пришло знание,

что я должен просто его ударить. Только один удар, и он будет уничтожен. Не убит, а именно уничтожен, удален, как ненужный файл с жесткого диска. Я навис над ним как судья и сжал кулаки. Всего один удар! Я должен это сделать! Я уничтожу его, а все знания, которыми он владел, достанутся мне в единоличное пользование. Ведь вся эта поляна, все цветы на ней – это знания. И он сделал главную ошибку – пустил меня к себе. И теперь мне нужно только ударить... но я медлил.

Стоял напротив Лавиниэля и молчал. То ощущение чужих чувств никуда не делось, наоборот, оно стало гораздо мощнее и превратилось в мои ощущения. Я чувствовал его обреченность и понимал, что эльф не станет сопротивляться, ведь он уже приготовился к смерти. Поэтому он и позвал меня к себе, чтобы я помог ему окончательно уйти, помог прервать его псевдосуществование. Лавиниэль не произнес ни слова. Он знал, что я все понял, и просто ждал, не поднимая на меня взгляд. Он ждал удара, он ждал своего конца... но я разжал кулаки и просто опустил перед ним на корточки, машинально стараясь не раздавить ни одного цветка. Я так и не смог заставить себя ударить его.

Опустив взгляд, я тихо произнес:

– Прости...

Да, я чувствовал перед ним вину. Я мог бы убить всех эльфов, находившихся на площади, я мог бы размазать всех старейшин без жалости, но отчего-то не мог ударить эльфа, ко-

торому и так причинил столько боли. Я почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Как глупо все вышло! Ведь этот эльф был не таким, как другие. Еще пару лет, и он бы ушел из леса навсегда. А вместо этого появился я и уничтожил его.

Я поднял голову и увидел, что в глазах Лавиниэля уже нет той безнадежности, которая указала мне путь сюда. Вместо этого в них было понимание и... прощение. Он смотрел на меня спокойно и ласково, не пытаясь ударить. А я ведь знал, что ударь он меня, вместо меня там, в моем теле, проснулся бы он. Но эльф только смотрел, разделяя мои чувства и отпуская все грехи, принося моей душе радость и покой.

Глядя ему в глаза, я чувствовал глубокую симпатию. Если бы все сложилось иначе, мы бы могли стать лучшими друзьями. Ведь мы действительно похожи. И не только потому, что оба мы прагматики, не только потому, что иронично и скептически относимся к чувствам, своим и окружающих. Мы просто одинаковые законченные сволочи, которые знают себе цену и не хотят меняться. Да, мы с ним обладаем практически одним характером, одними устремлениями, одними взглядами на окружающий мир. Если бы встретиться в другой обстановке и нормально познакомиться, наверняка мы бы стали друг для друга тем, кого нам так не хватало в жизни, кого мы так безуспешно искали и не находили. Потому что мы практически одинаковые!

Внезапно меня осенила дерзкая идея.

– А что, если?.. – Я с улыбкой посмотрел на эльфа и от-

метил в его глазах сомнение и испуг. Он понял мою мысль и явно ее не одобрял.

– Не бойся, будет не страшно! – приободрил я его, поднимаясь. – В любом случае, что мы теряем?

Он посмотрел на меня снизу вверх и тоже улыбнулся.

– Ты прав! – Он поднялся. – Мы ничего не теряем, но одновременно мы теряем все!

– Риск оправдан, братишка.

Я подошел к нему вплотную и глянул в глаза.

– Я согласен все потерять, а ты?

В его глазах впервые появилась надежда.

– Я тоже, брат.

И тогда я улыбнулся и обнял его, а он обнял меня. Я почувствовал, что растворяюсь, перетекаю в его тело, а его тело истончается у меня под руками и перетекает в мое. Мы сливались, становясь единым целым, одной душой, одним разумом. С удивлением я заметил, что на поляне начали вырастать новые цветы. По краям, накинувшись на деревья, пополз выюнок с яркими красными бутонами, в центре поляны внезапно вырвалась из-под земли кукуруза, отчего-то фиолетовая, гладиолусы выстреливали то тут, то там, раскрашиваясь во все цвета радуги. Мои цветы, а я точно знал, что они мои, аккуратно раздвигали хозяев этой поляны и занимали свое место под солнцем. А мы стояли вдвоем... Нет, уже не вдвоем. Просто один бесформенный клубок, которым были мы, находился в центре этой поляны и все еще про-

должал шевелиться амебой, претекая из одного состояния в другое. Наконец рост цветов прекратился. Поляна приобрела законченный вид. Это был великолепный образец хаоса – мешанина всех форм, раскрасок и размеров, даже деревья вокруг были густо обвиты какими-то разноцветными лианами. А посреди всего этого великолепия возвышались мы... Нет, возвышался я! Тот, который получился из слияния двух душ, двух разумов, тот, который только что родился на свет!

Я очнулся в камере, чувствуя необычайную легкость в душе. У меня все вышло! Нет, у нас все вышло! Мы слились, и получился я. Из эльфа Лавиниэля и человека Алексея получился некто, которому достались все знания, все чувства, а также жуткий характер. Он у нас и так был схожим, а теперь и вовсе стал устойчивым и ничем не прошибаемым! Мне хотелось смеяться, ведь, по сути, сегодня мой день рождения! Я едва не заплакал от счастья, ощущая, что все мои чувства усилились в два раза. Видимо, я и я были настолько похожи, что именно это и позволило произвести слияние. Иначе стала бы доминировать какая-то одна личность. Прислушавшись к себе, я понял, что прекрасно помню всю свою жизнь эльфом, помню всю человеческую жизнь, а сказать, что кто-то из них двоих – это «я» немного больше, чем другой, не могу!

В общем, вышло отлично! На это два моих «я» не рассчитывали, но мне повезло. Нет, мне просто фантастически повезло! Ведь я вполне мог бы проснуться законченным иди-

отом. А мог бы и вообще не проснуться, тогда моим стражникам пришлось бы волочить к Дереву безжизненное тело. Кстати, о стражниках... Я сосредоточился, усилием мысли вызывая плетение магического зрения. Странно, но мне это удалось гораздо хуже, чем всегда. Я подумал, что это тело никогда не занималось магией, а значит, практически не имеет магического резерва, а энергию аккумулировать еще не научилось. Ничего, научусь, куда деваться? Жить ведь хочется! А сейчас даже больше, чем когда-либо. Присмотревшись магическим зрением, я различил слабый отсвет ауры где-то у входной двери в тюрьму. Это Ним, догадался я. Замечательно, просто великолепно! С ним будет нетрудно работать. Расслабившись, я глубоко задышал и стал тянуть энергию. Отовсюду.

Через полчаса я уже видел бледные струйки, которые входили в мое тело – магическое зрение работало все лучше. Все, хватит пока. Я определил точное направление и, сконцентрировавшись на ауре Нима, начал посылать эмоционально заряженную энергию в нее, мысленно приговаривая:

«Он убил твоего друга... Он убил мальчишку... Его нужно уничтожить... Приношение в дар – слишком милосердно для него... Это должен сделать ты... Он должен мучиться, страдать...» – ну и все в таком же духе.

Пролежав так еще десять минут и выпустив почти всю накопленную энергию, я уже отчаялся дождаться результата, но внезапно услышал скрип. Оказывается, Ним уже встал,

подошел к двери моей камеры и открывает ее, а я все лежу и думаю, что он еще сидит на месте. Нет, магические тренировки этому телу необходимы срочные и интенсивные – не заметить магическим зрением перемещения объекта, это просто бездарно! Пока я ругал себя, Ним уже открыл дверь, а я только успел принять сидячее положение.

Ним приближался. В руке его было копьё, острием направленное на меня, а на лице застыла гримаса ненависти. Демоны бездны, я ведь намеревался встретить его у двери и наброситься, а теперь все планы рухнули. Противник передо мной, а я нахожусь в очень неудобной позе, чтобы атаковать быстро. Мне нужно всего несколько секунд! Именно поэтому я решил отвлечь его разговором, надеясь только на удачу.

– Ним? – постарался разыграть я удивление. – Что со мной? Почему я тут? Я что, натворил что-то, и меня заперли? Правильно я тогда говорил, не стоило нам идти на празднование посвящения Тула. Небось перепились до зеленых гоблинов, а потом отправились на поиски приключений... И почему у меня болит голова? – Тут я со стоном обхватил голову руками для большей наглядности.

Говорил я на эльфийском и полагал, что Ним не будет сразу тыкать меня копьём, а хотя бы спросит, откуда я его знаю.

– Лав?.. Это ты?! – Удивление в глазах Нима читалось крупными буквами.

– Конечно, я! А что, не видно? – раздраженно произнес я, мысленно моля, чтобы он приблизился еще на шаг.

– Но как ты?.. – Он подошел еще ближе, пытаясь рассмотреть в полумраке мое лицо. – Нужно сообщить старейшинам...

Он начал разворачиваться, чтобы направиться к выходу, но я ухватил за копьё и рванул на себя. Уроки мастера не прошли для Нима бесследно, и копьё из рук он не выпустил, что дало возможность мне рывком подняться и ударить костяшками пальцев его в кадык. Ним только булькнул и начал опрокидываться назад, но я опередил его и, продолжая свое движение, оказался у него за спиной и захватил шею в замок. Резкий рывок – и хруст позвонков. Прости, Ним, ты был хорошим эльфом, но по своей человеческой жизни я знаю, что живых врагов оставлять нельзя. Сколько раз, помнится, мне хотелось выкрикнуть: «Добей его, идиот!», читая опус очередного писаки, в тот момент, когда его герой оставляет в живых главного злодея. Мда, и не сосчитать точно... Нет, я понимал, что автору нужно зарабатывать деньги, и поэтому он высасывает из пальца как можно более длинный сюжет. Но ведь моя-то жизнь – не книга. Поэтому лучше никого из недоброжелателей не оставлять за спиной, иначе эта повесть кончится, не успев толком начаться.

Я бережно опустил тело на землю и принялся раздевать, но тут снова раздалась шаги в коридоре.

– Ним, где ты, бездельник? – услышал я голос Иглиэля.

Сейчас эльф заметит открытую дверь и обязательно заглянет внутрь. У меня будет всего несколько мгновений, понял

я, и бесшумно вытащил кинжал из ножен на поясе Нима. Я успел подготовиться к броску, и как только голова Иглиэля показалась в проеме, метнул кинжал. Иглиэль был хорошим воином, и даже в последнее мгновение попытался уклониться, но лезвие вошло ему в правый глаз. Я метнулся в проем и, подхватив падающее тело, затащил в камеру. Все не заняло и трех секунд.

На все эти действия тело отозвалось дикой болью в правом боку. Нет, с этим нужно что-то делать, и я знал, что именно. У каждого полноправного жителя эльфийского города имелась при себе деревянная фляжка с лимэлем – своеобразным эликсиром жизни, который мог залечивать любые раны, кроме смертельных. Также он мог в разведенном виде приносить заряд бодрости, наподобие алкоголя. Вот именно это и было мне сейчас нужно. Обшарив тело Иглиэля, я нашел фляжку, вытащил из нее пробку и отпил несколько глотков.

Горячая волна ухнула в желудок, наполняя тело энергией, даря приятное чувство легкости и невесомости. Нет, я человек помнил, что такое алкоголь, знал, какое действие он оказывает на организм, но это... Водка и рядом с лимэлем не валялась! Я сразу почувствовал себя лучше, кровь побежала быстрее, а вся боль от побоев начала быстро уходить, растворяясь в божественной теплоте дивного напитка.

Поторапливая себя, я принялся снимать одежду с тела Нима. Я бы и Иглиэля раздеть не постеснялся, но мы с ним

были разной комплекции. Сбросив ненавистную мешковину, я принялся одеваться: белье, портянки, штаны, рубашка, жилетка, а напоследок – сапоги и легкая, почти невесомая куртка. Подпоясался ремнем Нима и засунул кинжал обратно в ножны, предварительно стерев с него кровь. После снял рубашку с Иглиэля. Положил туда его ремень с ножнами, куртку и завязал узлом. В карманах мертвецов было пусто. Странно, хмыкнул я, эльфы всегда делают в своей одежде карманы, но сами туда ничего не кладут. Что это, дань уважения древней традиции? По этому поводу моя память молчала, Лавиниэль таким вопросом никогда не задавался.

На шее у воина обнаружилась золотая цепь, довольно толстая, а на пальцах – несколько колец, которые я, побряхтев, с трудом стащил. Одно из них, с крупным красным камнем, ни в какую не желало слазить. Пришлось доставать кинжал и отрезать палец. Зато я понял, насколько остра эльфийская сталь – она с легкостью разрежала мелкие кости. Оттерев кольцо от крови и положив его к остальной добыче в карман жилетки, я вышел в коридор.

Нужно было уходить подальше от селения, пока не подняли тревогу. Остановившись у стенда с оружием, я подумал немного и взял лук и два колчана со стрелами. А что? Запас карман не тянет! Лук находился в чехле с веревками, чтобы можно было носить на плече, а не держать в руке. Я нагреб с запасом тетиву, на все случаи жизни, и тут услышал шаги на улице. Кто-то шел, бормоча нечто невнятное. Я встал за

дверью, приготовив копьё и надеясь, что этот гуляка пройдет мимо. Но он целенаправленно шел именно сюда.

Черт! Он может поднять тревогу... Подожду, пока откроет дверь, и сразу нужно его валить! Я постарался слиться со стеной.

Дверь открылась, и в нее вошел... учитель, бормоча под нос:

– ...нужно проверить, возможно, при передаче...

И тут я с размаху опустил ему на голову древко копьё. Старик рухнул, как подкошенный.

– Это тебе за мои ребра! – мрачно прошептал я.

Подойдя к нему, я оглядел тело. Мой удар оказался не смертельным, и несколько мгновений я размышлял, добивать его или не стоит, так как старик был слегка симпатичен моей эльфийской половинке. Но тот сам все испортил – зашевелился и начал стонать. Со вздохом я коротким ударом копьё пронзил ему сердце, а затем начал обыскивать. Моей добычей стали: золотая цепь, серебряная цепь с каким-то кулоном, пяток золотых колец с камнями, брошь в виде цветка, полная фляга лимэля и богато украшенный камнями кинжал с поясом. В карманах, кроме чистой тряпки, ничего не было. Тряпку я тоже захватил с собой, авось пригодится. Все, больше меня тут ничто не держало, поэтому, закинув за спину лук и колчан со стрелами, я шагнул за порог. Начинало светать. Эльфийское поселение было погружено в сладкий сон, и никакие посторонние звуки не тревожили тишину ле-

са. Конечно, следовало бы заглянуть напоследок хотя бы в один домик неподалеку, чтобы разжиться едой, но я оставил эту мысль. Не стоило искушать судьбу.

Я легким шагом направился прочь от своей тюрьмы, свернул с дороги в чащу и начал размышлять о том, куда идти. Если я пришел с юга, то теперь нужно следовать на север, в Зингард. Эльфы думают, что я умею договариваться с кэльвами, и первым делом пошлют погоню на юг. Это даст мне несколько часов форы. Конечно, как только окончательно станет светло, эльфы отыщут мой след в лесу, а значит, после этого моим преимуществом может стать только скорость. Ну а скорость я себе смогу обеспечить, подумал я, баюкая две почти полные фляжки лимэля. Правда, о том, что будет со мной после этого, я старался раньше времени не думать.

– В путь! – шепнул я сам себе и перешел на бег.

Глава 8

Лес и его обитатели

Небо все больше светлело, лес дарил ласковую прохладу, встречный ветерок обдувал разгоряченное тело. Я бежал по лесу уже больше часа. Поселение эльфов осталось далеко позади, его я миновал по широкому кругу, перестраховавшись, чтобы не попасться никому на глаза. А вдруг кто-нибудь из жителей, наподобие учителя, решит прогуляться? Есть у эльфов такие полуночники. Любят смотреть на луну и бродить по лесу. Правда, их периодически загрызают хищники, не замеченные патрулями, но эти любители отчего-то никогда не выводятся до конца.

Я бежал и думал о том, что стал убийцей. Но не это беспокоило меня. Больше тревожило то, что я не испытывал никаких переживаний по этому поводу, не собирался терзать себя муками совести. Это, мягко говоря, было странно. Я решился на убийство мимоходом, поддавшись ярости. И кто же стал моей первой жертвой? Мальчишка! Не воин, не стражник, а глупое существо, по своему малолетству не воспринявшее меня всерьез. Только мне на это было плевать с высокой колокольни, вот я и хотел разобраться, почему, собственно.

Углубившись в самокопание, я мимоходом перепрыгивал

корни, огибал завалы, заросли кустов и неуклонно отдалялся от поселка. Мне не нужно было следить за дорогой – я знал тут каждую кочку, потому что еще в детстве облазил окрестности вдоль и поперек. Вдобавок мое фантастическое чувство направления наконец заработало должным образом и твердо вело меня по заданному курсу. Бег совершенно не мешал мне думать, тело само выполняло ритмичные механические движения, а благодаря трофейному лимэлю усталость настигнет меня еще не скоро. Правда, нужно будет в скором времени озаботиться вопросом еды, ведь без нее я не дотяну и до вечера, но пока можно было не волноваться по этому поводу и спокойно поразмыслить.

Как же я до такого дошел? Вроде бы в детстве был нормальным эльфом/человеком, ничем таким садистским не увлекался, животных не мучил, маньяка из себя не строил. Так почему? Может быть, это впечатление от жертвоприношения в раннем детстве дало наконец свой результат? Или же компьютерные стрелялки и бродилки, которыми я увлекался в юности? А может, вообще вся культура моего родного двадцать первого века вскормила и выпестовала то чудовище, каким я стал? Ведь дома, куда я еще собирался когда-нибудь вернуться, существует такая вещь, как кинематограф, который на потребу публике буквально заваливает зрителей «мясными» боевиками, кровавыми ужасиками и жуткой фантастикой. А ведь в кино нередко и злодеи одерживают верх, уничтожая всех подряд. Так что же теперь

удивляться? Ведь даже книги, которые я читал в последнее время, буквально пропагандировали насилие, вбивая в голову одну-единственную мысль: кто сильнее, тот и прав! А разве это не так? Для меня это уже стало аксиомой. Сомневающимся в этом достаточно просто посмотреть вокруг...

В общем, на бегу я подвел итог своим размышлениям: я стал чудовищем, Убийцей из пророчества, о котором твердили эльфы. Но самое главное (здесь я оскалился) – мне это нравится! Да, я не испытываю жалости к убитому мной эльфенку, ведь я же его предупредил, так что и вины своей не чувствую ни капли. Также я не испытываю никакого раскаяния по поводу убийства двух стражников. Здесь все просто: или они – или я, третьего не дано. Единственное, о чем я жалел... Нет, это сильно сказано. Так, испытывал легкое сожаление – была смерть учителя. Вот его бы я хотел оставить в живых, все-таки давно знал, был слегка благодарен за знания, которыми он поделился. Но в той ситуации я не мог поступить иначе. Если бы он пришел в себя, то просто скрутил меня с помощью магии за секунду. Проще говоря, и его смертью я обеспечивал себе жизнь, так что по этому поводу тоже не переживал.

Вот так я пришел к однозначному выводу: я – такой, какой есть, и вовсе не собираюсь сходить с ума и терзаться от того, что стал убийцей. Да, я понимаю, что, вполне возможно, в будущем мне снова придется убивать. Но меня это не тревожит. И я не собираюсь становиться белым и пушистым,

потому что результат такого перевоплощения несложно угадать, а тем более в этом мире. Поэтому я просто выбросил из головы подобные размышления. Другим мне уже не стать, а сомнение – первая предпосылка поражения. Вспомнились строки знаменитой песни «Штиль», их можно было считать простым законом этого мира: «Только жизнь здесь ничего не стоит. Жизнь других, но не твоя!» Вот это и весь итог моих мыслей. Я буду до последнего цепляться за свою жизнь, и горе тем, кто попробует у меня ее отнять!

Кстати, нужно подобрать себе имя. Как-никак Алексей и Лавиниэль мне уже не подходят, потому что каждое из них называет только половину моей сущности. Нужно что-нибудь придумать, безо всяких изысков и покороче. Хотя зачем придумывать? Воспользуюсь своим сетевым ником: Алекс. А что? Звучит неплохо. Решено, буду Алексом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.